

ЮЛИЯ ФАРО

ВЕРТЕЛ

САНАТОРНОГО ТИПА

НЕТРИВИАЛЬНЫЕ
ИСТОРИИ
ЧАСТНОГО СЫСКА

ДЕТЕКТИВ,
МИСТИКА,

ОСТРОСЮЖЕТНЫЙ
ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

16+

Детективное агентство «Ринг»

Юлия Фаро

**Детективное агентство «Ринг».
Дело № 3. Вертеп санаторного типа**

«Издательство «Союз писателей»

2018

УДК 82-31
ББК 84 (2 Рос=Рус)

Фаро Ю.

Детективное агентство «Ринг». Дело № 3. Вертеп санаторного типа / Ю. Фаро — «Издательство «Союз писателей», 2018 — (Детективное агентство «Ринг»)

ISBN 978-5-00073-925-9

Детектив – это не профессия, детектив – это образ жизни... Зинаида Князева – сыщик и глава детективного агентства «Ринг» – полностью подтверждая этот тезис, вынуждена заниматься своим любимым делом даже на отдыхе, который устроила ей в элитном санатории «Грёзы» одна из благодарных клиенток агентства. А в этом санатории, который ориентирован на далеко не бедных пациентов, творятся очень странные дела... Подозрительный, сексуально озабоченный мужской персонал, странные женщины явно не традиционной половой ориентации... И над всем этим буквально висит тяжёлое предчувствие преступления, которое не заставляет себя ждать в виде трупа одной из пациенток санатория... Как распутать этот клубок, где сплелись чуть ли не все человеческие пороки: убийства, шантаж, жадность, порочная страсть, большие деньги, жажда власти... Сумеет ли Зина со своими коллегами выявить все зловещие нити, которые – как она догадывается – ведут к главарю преступников, к страшной и загадочной фигуре по имени Ле Местр? Ведь на пути, ведущем к раскрытию преступлений в санатории «Грёзы», её ждёт самое страшное – подозрение в предательстве самого верного соратника и друга...

УДК 82-31
ББК 84 (2 Рос=Рус)

ISBN 978-5-00073-925-9

© Фаро Ю., 2018

© «Издательство «Союз
писателей», 2018

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	18
Глава 3	25
Глава 4	40
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Юлия Фаро
Детективное агентство «Ринг».
Дело № 3. Вертеп санаторного типа

© Фаро Ю., текст, 2018

© Издательство «Союз писателей», оформление, 2018

© ИП Суховейко Д. А., 2018

Глава 1

Если бы Зинаида Львовна Князева ещё несколько дней назад могла представить, на какие вопросы ей придётся отвечать, сидя напротив главврача санатория «Грёзы», она бы на корню зарубила предложение «хитроумного» Кольцова внедрять её в ряды пациенток подозрительного учреждения.

Пусть бы главный сыщик детективного агентства «Ринг» сам работал тут «под прикрытием». Она бы с радостью вручила ему подарочный сертификат на оздоровление, доставшийся ей от одной из бывших заказчиц...

– Как часто вы вступаете в интимную связь с мужчинами? – повторил вопрос доктор. – Не поймите превратно, но я вынужден об этом спросить, как специалист, разумеется. Вы у нас – молодая привлекательная женщина, и почему-то не замужем?

Повисла пауза...

Нет! Зинаида не ханжа...

Но этот очень личный вопрос застал её врасплох. Волна неконтролируемого жара разлилась по телу. Частный детектив покраснела.

«Что отвечать? – думала Зинуля. – Соврать, что всё в полном порядке, или рассказать, что мужчина – с которым она делит постель – последний раз навещал её три месяца назад? А может, сослаться на дворянское происхождение и дать понять эскулапу, что негоже правнучке обер-секретаря Департамента Сената поддерживать разговор на скабрёзные темы?»

Последняя мысль насмешила Князеву, но, тем не менее, воспоминание об Анисиме Титовиче – как строгом и знатном предке – придало определённой уверенности и помогло восстановить температурный баланс.

– Ну, Зинаида Львовна, что же вы молчите?

Главный врач санатория, лично беседующий с пациентами на первичном осмотре, понимающе улыбнулся и встал из-за стола. Доктор Генрих Блюм – подтянутый мужчина сорока с небольшим лет – подошёл к окну и, взяв в руки маленькую красную лейку, начал не спеша поливать распустившуюся бегонию. Затем он пригладил густую копну седеющих русых волос и вернулся на место. Его светло-серые глаза снова воззрились на симпатичную пациентку с рассыпавшимися по плечам кудрями цвета меди.

Пациентка пребывала в замешательстве. Подняв вверх левую бровь, она с задумчивым видом изучала предметы на рабочем столе доктора и не торопилась с ответом. Непроизвольно её взгляд наткнулся на большой конверт из дорогой кремовой бумаги, лежащий с краю. Молодая женщина тихо засмеялась.

– Что вас так развеселило, Зинаида Львовна? – тут же отреагировал врач.

– Безграмотность! – ответила Князева и указала на конверт. – Смотрите, тут написано: «Частный фонд «Солон 21 века»».

Герман Блюм безо всякой улыбки посмотрел на название отправителя, обрамлённое в рамку из греческого орнамента.

– Слово «салон» пишется через букву «а», – проговорила Зинаида. – Тут допущена ошибка.

– Если бы... – усмехнулся Блюм. – Но ошибки здесь нет. Давайте вернёмся к моему вопросу...

– Странно... – протянула Зиночка и, вдохнув полной грудью, наконец решила уважить главврача. – Вы можете мне не верить, но работа увлекает меня больше, чем личная жизнь.

– Действительно не поверю! Это в вашем-то возрасте? Вы у нас... – он опустил глаза на анкету Князевой. – Восемьдесят второго года рождения. По нынешним меркам – ещё девушка! Вам рожать нужно не откладывая, а не работой увлекаться.

– Доктор, можно я сама буду принимать решения о том, что мне следует делать? – не выдержала Зина.

– Конечно, можно, только как врач я обязан предупредить вас о том, что отсутствие или нерегулярная половая жизнь у женщин является частой причиной гормональных нарушений в организме. Кроме того, на фоне отсутствия секса наблюдается снижение функции щитовидной железы, возрастает риск развития онкологических заболеваний. А про психические расстройства и депрессию я уже просто молчу.

– И что делать? – трогательно поинтересовалась Зинаида, натянув на лицо маску отчаяния.

«Нужно образу соответствовать, а не в полемику вступать!» – отругала она себя, вспомнив об истинной цели визита.

– Я разработаю для вас персональную программу с процедурами, белковой диетой и приёмом гомеопатических препаратов. Сдадите анализы. Будем наблюдать... А вы пообещайте мне, что поменяете взгляд на жизнь и начнёте больше думать о мужчинах, нежели о работе. Вы у нас кем работаете?

– Переводчицей, – торопливо ответила Князева.

– Переводчицей? – слегка удивился Блюм. – А проживаете в элитном коттеджном посёлке Озёрного?

– В наследство дом достался. У меня ещё есть квартира в Кумске...

– Что ж, это хорошо, когда такая материальная база. Тем более можно не так рьяно работе отдаваться...

* * *

Всё началось неделю назад, когда порог агентства «Ринг» переступила миниатюрная брюнетка в строгом брючном костюме.

– Здравствуйтесь, меня зовут Антонина Зонтикова, – произнесла немолодая посетительница высоким тонким голосом и протянула Зиночке свой паспорт.

Кольцов выразительно посмотрел на Нила предупреждающим взглядом, опередив смешок со стороны коллеги.

– Документ пока не нужен, – как можно дружелюбнее ответила Князева, чтобы унять волнение госпожи Зонтиковой. – Лучше расскажите, что вас к нам привело.

Дамочка вконец расперевивалась. Неловким движением забрала документ и, засунув его в сумочку, тут же извлекла оттуда фотографию, протянув её Зине.

На снимке было запечатлена тёплая компания из четырёх человек и двух лохматых собачонок. Зина и Кольцов с деланным вниманием стали рассматривать фото.

– Антонина! – наконец не выдержал Фёдор. – Не молчите, рассказывайте...

– Не знаю, с чего начать... – задумалась Зонтикова.

– Начните по порядку. Вот вы дали нам снимок. Видимо, разговор пойдёт о ком-то из людей, которых я на нём вижу. Ну-с, кто тут у нас и что с ним случилось?

– Точно, – спохватилась женщина. – Это – я! – она ткнула пальцем с огромным бриллиантом в своё изображение.

Нил Моршин отвернулся к окну, пытаясь подавить неуместную улыбку.

– Отлично, – похвалил Кольцов. – Дальше!

– Это – Антон Семёнович Зонтиков, мой муж, директор и владелец Кумской кондитерской фабрики...

Кольцов вопросительно взглянул на Зиночку, и та кивком подтвердила слова говорящей.
– Это – наш сын Серёжа, – тоненький пальчик с острым розовым ноготком коснулся самого молодого члена компании.

– А это – Мирочка... Мира Петровна Карасёва – главный бухгалтер Антоши – и её собачки: Тобик и Лялька. Карликовые пудели.

– Я её тоже знаю, – проговорила Зина и, обращаясь к Фёдору, пояснила. – Несколько лет назад я для «кондитерки» договорные документы переводила, поэтому и директора, и главного бухгалтера видела.

– О господи! – почему-то испугалась Антонина. – Вы Антошу знаете? Вы расскажете ему, что я приходила? – от страха она часто заморгала глазами и поджала губы.

– Никому и ничего мы не расскажем. Конфиденциальность лежит в основе нашей работы, – как мог, успокоил её Фёдор.

– Это очень хорошо! Потому что если муж узнает – он на меня рассердится. А ему нельзя – сердце больное. Он вообще считает, что все мои переживания из пальца высосаны...

– Понятно, – кивнула Зинаида. – Теперь о переживаниях, и подробнее...

Зонтикова судорожно вздохнула, словно собираясь нырять в воду, и очень скованно, чуть ли не через силу, начала свой рассказ:

– Мира Петровна Карасёва работала на нашей с мужем кондитерской фабрике со дня её основания. Такого главного бухгалтера, как она, в области больше не сыскать. Её у Зонтикова – мужа моего – несколько раз конкуренты переманивать пытались. Только тщетно. Она была очень предана компании, и у неё был ну просто стальной характер. А когда она вместе с Антошей прошла «огонь, воду да медные трубы», то стала лучшим другом нашей семьи. Практически родственницей. Сама Мирочка всю жизнь прожила с родителями, у них в семье все любили плотно покушать, и она выросла такой... Ну, как бы сказать, толстушкой. И со временем она становилась, ну... Как бы ещё толще, что ли. Но не подумайте, её авторитет на производстве никому не позволял отпускать в её сторону какие-то шутки про её фигуру. Наоборот, Мирой все восхищались! Только знаете, как это бывает... Мужчины удивлялись её уму, но держались на расстоянии... В общем, замуж Мира в своё время так и не вышла. Однако ни я, ни сам Антон Семёнович... Мы никогда не слышали от Мирочки жалоб на судьбу, что оставила её после смерти родителей одинокой и бездетной... Когда фабрика раскрутилась на полную мощность, мой Зонтиков оценил вклад в производство нашей преданной Миры и выделил ей определённое количество акций, так что она вместе с большой зарплатой получала ещё и очень достойные дивиденды. Очень достойные... Единственной слабостью моей подруги были собачки и бриллиантовые украшения. Ну должна же женщина куда-то тратить свои деньги?! А тут и старость пришла как-то незаметно... Путешествовать Мира в свои пятьдесят девять любила не особенно, а если и выезжала куда-то, то только вместе с нашей семьёй. Жила в просторной квартире в центре Кумска, оставшейся от родителей. После их смерти только шикарный ремонт сделала...

Когда Зонтикова прервала свой рассказ и жалобно попросила чаю, то по негласному закону «дедовщины», действующему в агентстве, Моршин тут же подал клиентке чашку с горячим напитком.

– Я почему так подробно рассказываю... – сделав пару глоточков, пояснила Зонтикова. – Я хочу дать понять, что при солидных доходах Мирочка большую часть денег не тратила. У неё даже депозитный вклад был открыт в одном и том же с нами банке.

Зина и Фёдор дружно покивали головами.

– Ну так вот, в прошлом году руководство фабрики проводило двадцать второго декабря новогодний корпоратив. Антоша арендовал музыкальный салон в санатории «Грёзы», ну, знаете, это тот, что на территории «Эдема». У банкетного зала было два входа: один из фойе, а второй – с улицы. А чтобы наша компания не мешала отдыхающим, первую дверь даже не

открывали. Мы с другой стороны заходили... Обслуживал нас, правда, персонал санатория. Было весело! Но когда начались танцы, я даже удивилась. На фабрике в руководстве – кроме моего супруга – почитай одни женщины, а тут, смотрю, откуда ни возьмись – парни в зале. Да все как на подбор: красивые, спортивные. И ну наших работниц приглашать. Я Антона спрашиваю, мол, кто такие? А он только плечами пожал: «Наверное, – говорит, – местный персонал. Пусть танцуют, хоть повеселят наших девушек...» Мы все выпившие были, разгорячённые... Настроение отличное... И тут я вижу, что нашу Миру какой-то мачо в танце кружит! И она с ним вся преобразилась, раскраснелась... Молоденький, конечно, совсем юноша, но всё равно мужское внимание... С этого вечера Мирочку словно подменили. Нет! На работе это никак не отразилось! Она – профессионал с большой буквы. Но после работы... Однажды я к ней заезжаю, хотела обсудить, как будем Новый год встречать, а она мне и говорит: «Ты, Тонечка, не обижайся, но я к вам не приду... У меня другие планы...» Представляете, впервые за тридцать пять лет дружбы! Потом и звонить перестала, в гости не заходит. Изменилась как-то вся, такая напряжённая стала. Словно струна натянутая. В бухгалтерии девчонки рассказали, что она на диету села. Пристрастилась ультрамодные наряды покупать. Нет! Вы не подумайте, я чужие деньги не считаю... Вернее, уже считаю...

Зонтикова снова разволновалась, но, взяв себя в руки, продолжила:

– У нас раньше была мечта: купить в Крыму недалеко от моря апартаменты, в одном комплексе. Нам – побольше, потому что сын скоро женится, а Мирочке – чуть поменьше. Вы не представляете, мы могли с ней целый вечер каталоги разглядывать, мечтать, как будем собственное жильё на курорте иметь. Она этой идеей просто одержима была. Сразу после Нового года нужно было задаток вносить и ехать смотреть квартиры. Я числа шестого снова к ней прихожу. Мол, давай, собирайся, полетим на три дня. А она сама не своя! Такая возбуждённая! Такая чужая! Говорит: «Я никуда не еду. Мне мои деньги на другие цели нужны. И вообще... У меня грядут большие перемены в личной жизни!» Представляете? Тут у неё на столе айфон зазвенел. Я смотрю, а там на дисплее фото молодого красавца высветилось и надпись «Гарик любимый». Я у мужа на фабрике частенько бываю. Стала в бухгалтерии потихоньку выпрашивать: что да как. Тут меня и ошарашили, что у Миры Петровны жених – спортивный инструктор из «Грёз». Представляете? Мирочка, она такая неискушённая в вопросах обольщения, её вокруг пальца обвести ничего не стоит. Мы с Антошей пытались как могли подружку на разговор вывести, но – бесполезно, только повздорили. Антон сказал: «Пусть что хочет, то и делает! Я вашим бабским заскокам не судья!» А я не могу её бросить, чувствую, что бедой, большой бедой это увлечение закончится. Вот и сейчас – конец января, а она оформила отпуск за свой счёт и в «Грёзы» к своему мальчишке укатила. А самое невероятное то, что своих горячо любимых собачек – Тобика и Ляльку – сдала в приют! Она раньше к ним как к родным детям относилась, а тут такое!

– Что вы от нас хотите? – строго спросил Кольцов.

– Я хочу понять, что из себя представляет избранник моей лучшей подруги. И убедиться, что она в безопасности. Это возможно? – она протянула Зиночке конверт с авансом...

После того, как Кольцов навёл о заведении справки по своим каналам, было решено направить в санаторий «Грёзы» Зинаиду Князеву.

* * *

Интерьер комнаты – как, впрочем, и всего трёхэтажного здания, – был выше всяких похвал. Просторные номера, обставленные дорогой мебелью, имели чудесную звукоизоляцию, и постояльцы с удовольствием наслаждались покоем после многочисленных процедур.

Лёгкое недоумение за первый день пребывания у Зинаиды вызвал лишь тот факт, что обслуживающий её персонал состоял исключительно из молодых «медбратьев» атлетического

телосложения. Помимо этого, и массажист, и тренер по аква-аэробике, и работник процедурного кабинета, и косметолог – все тоже являлись молодыми, не лишёнными шарма и остроумия парнями не более тридцати лет. Даже забор крови на анализ осуществлял приятный ангелоподобный юноша.

За столиком в ресторане её соседками оказались три женщины. Двое из которых – лет по сорока с небольшим – были закадычными подругами, предпочитающими отдыхать и путешествовать вместе, а третья – шумной и неугомонной предпринимательницей, владелицей Кумского агентства торжественных мероприятий и по совместительству – тамадой.

Подруг звали Белла и Гала. Причём сами себя они именовали не иначе как Белка и Галка. Невысокие и короткостриженные, они походили на спортсменов-пенсионеров. Короткие ноги с накачанными, как у мустангов, икрами, крепкие плечи и узкие бёдра.

Тамада Эмма, наоборот, была высокой фигуристой женщиной с большой грудью и узкой талией, перетянутой широким поясом, из-под которого спереди был виден тщетно скрываемый животик, а сзади – оттопыренные ягодицы. Причём Эмма здорово помогала ей выделиться в толпе. Сорокалетняя модница была обладательницей длинных светлых дред¹.

– Ну чего, девки, позажигаем? – пришедшая к обеду в невероятных лосинах Эмма подмигнула новым знакомым. – Оценили, какие здесь мальчишки работают? Просто первый сорт!

– Я, между прочим, замужем, – как бы невзначай заметила Белка, поедая салат из рукколы с тёртым сыром.

– Да ладно! Кому и когда это мешало? Я же тебе не замуж предлагаю... У меня тоже Гриша есть, мы с ним в гражданском браке уже пять лет. И что теперь, цветов не нюхать? Я вам про свежее мясо толкую... Сейчас на аква-аэробике была, там Гарик с голым торсом... Просто отпад! Пресс в кубиках... Брр! Аж не могу!

Белка и Галка переглянулись и прыснули со смеху.

– Опоздала ты, Эмма. Вон – через два столика от нашего – толстуху очкастую видишь?

Зиночка тоже проследила взглядом в указанном направлении и узнала Миру Петровну, главного бухгалтера Кумской кондитерской фабрики.

«Объект наблюдения» выглядел вполне себе жизнерадостно и даже не догадывался, что с этого дня будет находиться под прицелом внимательных глаз рыжеволосой сыщицы.

– И что? – заинтересованно полюбопытствовала Эмма.

– И то! Она уже здесь вторую неделю из-за Гарика торчит. Роман у них! – пояснила Галка.

– Жуть с ружьём! Да вы, девки, травите! Гарик с этой жабой? – возмутилась тамада. – Быть такого не может! Она же уродина... – Эмма надула щёки и вжала голову в плечи.

Стараясь не рассмеяться, Зиночка укоризненно посмотрела на «пародистку».

– Зато машина, джип «Бентли» за пять миллионов и серьги с бриллиантами по десять карат, – пояснила Белла.

– А я смотрю, ты в машинах разбираешься, – Эмма с интересом взглянула на Белку.

– У нас с мужем сеть автосалонов, – с достоинством ответила та и, одарив Эмму иронично-надменным взглядом, шепнула что-то на ухо подруге.

Эмма обиженно замолчала и уткнулась в тарелку.

– В холле висит объявление, что сегодня музыкальный вечер, – пытаюсь разрядить обстановку, произнесла Зиночка. – Эмма, не хотите составить мне компанию?

Устроительница торжеств тут же повеселела и охотно дала согласие присоединиться.

После ужина Зиночка в компании Эммы решила подышать свежим воздухом – времени до начала музыкального вечера было достаточно.

---

¹ Дредлоки, локи, дреды (от *англ.* dreadlocks; устрашающие локоны) – наиболее известное наименование спутанных в локоны волос. (*Прим. автора.*)

Облачённые в похожие спортивные пуховые костюмы, они невольно разулыбались, глядя друг на друга.

– В Кумске на Торговой улице брала? – бесцеремонно поинтересовалась Эмма.

– Точно! – подтвердила Зина. – Летом на распродаже.

– И я! – подмигнула ей Эмма. – Я всегда акции по скидкам посещаю. А тут целых семьдесят процентов скостили. Дурой надо быть, чтобы не воспользоваться! Правда? Будем с тобой, блин, как сёстры Зайцевы! В одинаковом прикиде!

– Ну нас-то – в отличие от них! – не перепутаешь, я мелкая слишком. Мы с тобой, скорее, как Шварценеггер и Дэнни Де Вито в «Близнецах»! – пошутила Князева.

– За Шварценеггера ответишь! – Эмма шутливо направила на Зиночку указательный палец. – Во-первых, он австриец, а я немка, а во-вторых, я просто красавица!

– Красавица! Конечно, красавица! – дурачась, подтвердила Зинуля.

– То-то! Кто Эммочку Шталь обидит – тот дня не проживёт! – она забежала вперёд и, набрав в пригоршню снега, ловко слепила снежок, который тут же запульнула в Князеву.

– Ну это ты зря! – смеясь, пригрозила Зина. – Это ты с моей меткостью не знакома.

Мелкая и шустрая Зинаида легко обстреляла обидчицу снежными снарядами.

– Всё! Сдаюсь! Я уже старая. У меня сейчас сердце из груди выпрыгнет и по парку понесётся, – взмолилась Эмма. – Давай посидим минутку.

– Давай! – согласилась Зина и стала счищать пушистый снег со скамейки, расположенной на центральной дорожке, прямо под фонарём.

– Нет! Здесь мне неудобно, пойдём за деревья, там беседка стоит, – жалобно протянула Эмма, вытащив из кармана и показав Зинуле уголок тонкой пачки сигарет «Кент».

Князева всё поняла и последовала за курильщицей-партизанкой.

– Они лёгкие, – начала оправдываться Эмма, выпуская в морозный воздух облачко табачного дыма. – Всего один процент никотина.

– Я в этом не разбираюсь, – спокойно ответила Зина. – Помню, что дед с бабулей «Астру» курили, они у меня войну прошли...

Помолчали.

– Классная ты девка, Зина! – неожиданно призналась Эмма. – Открытая, легко с тобой. Видно, что не простушка. Но пальцы веером не гнёшь. Как эти... – было понятно, что Шталь вспомнила про Беллу с Галкой. – Строят из себя, словно к высшей касте принадлежат. Да и чёрт с ними. Но могли бы и попроще общаться... Как считаешь?

– Мне всё равно, я отдохнуть приехала, – отозвалась Князева.

– Везёт! Сама захотела – сама приехала. А я вот в это элитное учреждение не собиралась. Меня клиенты обломали. Представляешь?! – в голосе тамады прозвучало негодование. – Гаишник юбилей справлял. Подрядил меня с командой выступать без предоплаты. Как откажешь – сама автолюбитель! Короче, на двести штук забились... Мы ему весь зал и шарами, и букетами украсили. Мои танцоры с певицей там до седьмого пота пахали. Я как каторжная десять часов на ногах... А когда рассчитываться – он мне тридцать тысяч деньгами даёт и этот подарочный сертификат на десять дней. Ему, видите ли, один знакомый подарил! Вот он за ненужностью мне путёвку и сплавил. А сам, получается, при деньгах остался. Прикинь? Сто семьдесят тысяч, отдых в Кумской области! Да я бы на такие деньги лучше мебель купила и ещё в Египет слетала... С Гришей... Пришлось с артистами из своих рассчитаться и сюда приехать. Не пропадать же добру...

Зиночке стало искренне жаль незадачливую тамаду.

– Да ладно, – попыталась она утешить новую приятельницу. – Зато оздоровишься. Сама говоришь, что по своей воле столько деньжищ на себя бы не потратила.

– Эх, чего уж теперь! Теперь остаётся развлекаться на полную катушку в богемной компании! – Эмма щелчком запустила окурок в кусты. – Ты же со мной?

– По мере возможности, – уклончиво ответила Зинаида.
– Знаешь, как моя фамилия с немецкого переводится?
– Знаю, конечно, я же переводчица. Шталь означает – сталь. Так что у тебя должны быть стальные нервы и стальной характер.

– Так оно и есть! – рассмеялась Эмма. – Я когда на первичном осмотре у главврача была, то попыталась с ним пошутить по-немецки. Ну насчёт наших с ним фамилий. Он же – Блум, а у этой фамилии два значения есть...

– Насколько я знаю – это цветок, – произнесла Зинуля.

– А ещё это стальная заготовка... Но он как-то не отреагировал, он вообще на бегу меня принял, за минуту просто... Даже обидно, что за такие деньги и такое отношение...

– А о чём спрашивал? – затаив дыхание, спросила Князева.

– Фигню спрашивал... С кем живу да где живу... Я очумела просто, говорю: «Вас правда интересуют все мои родственники, прописанные со мной в доме?» Он аж дёрнулся и послал меня к медсестре за графиком процедур.

Зиночку информация насторожила. Оказывается, подход к пациентам в этом санатории разный...

В это время Эмма достала вторую тоненькую сигаретку и пыхнула зажигалкой.

Со стороны прогулочной дорожки послышались голоса.

– Сюда идут, – прошептала Шталь и быстро затушила только что прикуренную сигарету, положив её обратно в пачку. – Пригнись! – еле слышно попросила конспираторша. – Не хочу, чтобы видели. У них тут штраф за курение на территории – десять тысяч рублей!

Беседка, в которой находились женщины, со всех сторон была окружена заснеженными кустами сирени, что позволило им без труда остаться незамеченными.

По хрусту снега было понятно, что беседующие во время вечернего моциона свернули с главной аллеи ровнёхонько в их сторону.

Внезапно всё стихло. Видимо, гуляющие остановились.

– Да нет здесь никого, – произнёс сиплый мужской голос. – Рассказывайте, как всё прошло?

– Да не сказать, чтоб очень... Ребята не в восторге... – тихо отозвался собеседник. – По мелочи надёргали.

– Что значит – по мелочи? Я точно знаю, что она забрала драгоценности и наличку из банковской ячейки и хранит дома...

– Медведь там... Придётся тебе у подопечной подробности повыуживать. «Локсмастера» у нас нет...

– И что? Опять ждать? Вы же мне обещали! Вы себе не представляете, как мне каждая ночь даётся! – негодуяше просипел первый.

– Главное, чтобы ты себе это представлял, – с неприязнью посоветовал второй. – Больше страсти, мой юный Казанова! Больше ласки и любви... Вознаграждение того стоит!

– Хорошо вам... Шутите... Ключи верните, мне их на место положить нужно, – послышалось позвякивание металла и звук застегнувшейся «молнии». – А что у Эда? Есть чем сладкую Лизу раскрутить? Тут-то бабла немерено, и гарантия стопроцентная, что сама принесёт!

– За Эда не переживай. Не твоя забота! Свою работу делай.

– Не моя забота... Вы типа на Ле Местра намекаете? Почему он сам не появится? Почему через вас работает?

– Рекомендую тебе этого имени без надобности вслух не произносить! – почти шепотом отозвался второй голос.

– Ладно... извиняюсь. А вы точно меня не кинете? Всё обещанное отдадите? – взволнованно поинтересовался обладатель простуженного голоса.

– Не переживай! Будешь абсолютно свободен и при деньгах! – миролюбиво пообещал собеседник.

Как только стих звук удаляющихся шагов, дамы, охая, разогнули затёкшие конечности и покинули своё укрытие.

– Чего молчишь? – не вытерпела Эмма. – Не кажется, что разговор подозрительный был? А у одного из них голос один в один как у моего Григория. Я даже сначала испугалась.

– Это который с больным горлом? – спросила Зиночка.

– Да нет, вряд ли он болеет. Больше на дисфонию похоже... У Гриши врачи диагностировали психогенную дисфонию. Он и так хрипит, а когда распахнется – голос вообще садится... Так как думаешь, что они обсуждали?

– Не знаю. Я не прислушивалась особо, так, ждала, когда уйдут, – слукавила Зинуля. – Ой! До начала музыкального вечера пятнадцать минут осталось, а нам ещё переодеться нужно.

И Князева ускорила шаг, поторапливая новую приятельницу.

* * *

Спустившись в зал, Зинуля, одетая в длинное вечернее платье из зелёного трикотажа, обомлела на входе, не увидев ни одного свободного места за миниатюрными столиками, стоящими по кругу. Процентом девяносто из числа собравшихся являлись представительницами слабого пола старше бальзаковского возраста. Была и парочка пожилых джентльменов, балующихся коньячком за оживлённой беседой.

За соседним от мужчин столиком Мира Петровна, навалившись массивной грудью на стеклянную столешницу, увлечённо рассказывала что-то молодому тренеру по акваэробике. «Гарик!» – мелькнуло в голове у Зиночки. Тренер сидел, развалившись и широко раздвинув накачанные ноги в красных мокасинах. Время от времени он отпивал глоток виски из пузатого бокала и гладил спутницу по пухлой руке.

В самом углу сидели неразлучные Белка и Галка, перед которыми стояла початая бутылка шампанского.

Из-за того, что в помещении было полутемно, она не сразу узнала Эмму, соорудившую из длинных дред узел на затылке, украсив его чёрной капроновой хризантемой. Кумская тамада вырядилась в смелые ботфорты, узкие джинсы и короткую майку с яркими принтами².

– Зина! Я здесь! – махнула она рукой.

– Я тебя и не узнала! – призналась Зинуля, располагаясь в плетёном креслице. – Вам, девушка, больше двадцати пяти и не дать!

– На том и стоим! – обрадовалась похвале Шталь. – Ты тоже красотка! Только после выступления будут танцы. А тут жарковато... Не сварись в зимнем платье?

– Не должна, – отшутилась Зина и замолчала, потому как в центр круга вышла скрипачка.

Это была высокая яркая девица с гладкими чёрными волосами до плеч, с удивительно ровной спиной и крупными для женщины руками.

– Добрый вечер, дамы и господа. Меня зовут Эллада Панаётис. Сегодня я буду играть для вас произведения великих композиторов. И очень надеюсь, что сумею доставить вам удовольствие.

Собравшиеся заплодировали.

– Иоганнес Брамс. Венгерский танец, – объявила скрипачка и, закрыв глаза, опустила смычок на струны инструмента.

---

² Изображение в виде фотографии, рисунка или надписи, которое наносится на ткань, кожу, бумагу и другую поверхность. (Прим. автора.)

Зинуля с интересом рассматривала исполнительницу. Ни крупный, выдающийся вперёд подбородок, ни массивный нос с горбинкой не портили молодую женщину. Вздрагивая в такт темпераментной музыке и потряхивая головой – от чего смоляные пряди ниспадали на высокий лоб – артистка буквально заорожила публику виртуозным исполнением.

Нависший над столиком навязчивый официант сунул в руки Князевой винную карту и не отходил до тех пор, пока Зиночка не согласилась на два бокала белого «Шардоне».

– Классно играет! – прошептала Эмма. – Как думаешь, Эллада Панаётис – это настоящее имя или сценический псевдоним?

Не желая отвлекаться на не интересующие её подробности, Зина равнодушно пожала плечами. Отдавшись во власть музыке на целый час, Князева не жалела ладоней, провозжая Элладу. И успокоилась только тогда, когда та объявила, что через три дня приглашает любителей скрипичной музыки на новую встречу.

Из динамиков, размещённых около стойки бара, зазвучала танцевальная мелодия.

Несколько подвыпивших дам лет за шестьдесят, в шикарных нарядах и дорогих украшениях, вышли на площадку, предназначенную для танцев. Без всякого смущения они громко переговаривались между собой и смешно дёргались всем телом, не попадая в такт ритмичной музыки.

– Громче! Ещё громче! – требовательно кричали они бармену.

– Жесть! – простонала Эмма. – Трясутся, словно у них таблетки кончились! Ты как, подруга, насчёт класс показать?

Зина очень любила танцевать, поэтому долго уговаривать себя не заставила.

Освещение танцпола вспыхнуло разноцветными огнями.

На удивление, стесняться за Эмму ей тоже не пришлось. Тамада танцевала просто потрясающе. Легко изгибаясь в такт музыке, она красиво двигала бёдрами и плечами. После третьей композиции к ним присоединились пожилые любители коньяка. Но когда заиграла медленная мелодия, то и Зина, и Эмма, опережая приглашение на танец со стороны пожилых бонвиванов, сославшись на усталость, вернулись к своему столику.

– На фиг! На фиг! Тот же назём, да издалёка везём! У меня дома Гриша помоложе будет! – категорически заявила Шталь, отпив вина из фужера.

Тем временем в зале появилась группа молодых людей из числа персонала санатория. Спортивные красавцы бойко приглашали дам на танец.

Интересный блондин в строгом сером костюме – в котором Зиночка с трудом узнала «медбрата» Костю – с улыбкой склонил перед ней голову и протянул руку.

– Ради бога, извините, но я так устала... – оправдывалась Зинуля. – Так устала, что предпочту посидеть.

Она ожидала, что незадачливый кавалер переключится на Эмму, явно настроенную на поиск партнёра. Однако, к её удивлению, паренёк, пробормотав что-то типа «я вас понял», быстро ретировался в угол зала. Зиночка увидела, как потерпевший с ней фиаско Константин теперь настойчиво приглашает Беллу. Но Галка, вступившись за подругу, грубо осадил «медбрата», дав ему от ворот поворот. Юноша не смутился и уже через мгновение нежно сжимал в объятиях одну из старушек-веселушек, открывших танцевальный вечер. Следом вышла пара Гарик и Мира Петровна.

– Давай ещё винца! – озорно предложила Зиночка, глядя, как погрузилась приятельница.

– Зин, я нормально выгляжу? – уныло спросила Эмма, когда официант, исполнивший заказ, удалился.

– Ты выглядишь просто супер! – честно ответила Зина.

– Тогда почему он танцует с ней, а не со мной? Из-за денег? Да? – она залпом опрокинула в себя содержимое фужера и выразительно посмотрела на Гарика. – Конечно, куда мне...

– Эй, подруга, выше нос! Да ты посмотри на них внимательно, это же треш³...

Захмелевшая Князева решила развеселить поникшую тамаду.

– Ну, гляди, они смотрятся даже не как мать с сыном... А как... Как... Бабушка и внук.

– Как председатель колхоза и практикант! – подхватила Шталь.

– Как директриса школы и двоечник! – продолжила изгаляться Зина.

– Как кондуктор и безбилетник! – легко втянулась в «баттл⁴ остроумного злословия»

Эмма.

От нелепости последнего сравнения новоиспечённые подруги согнулись пополам и зашлись звонким смехом.

Мира Петровна в безумном шифоновом брючном костюме дымчато-серого цвета, с пёстрым шарфом, намотанным вокруг шеи и, видимо, призванным скрыть многоярусный подбородок, метнула гневный взгляд в сторону хохотушек. От танца она вся взмокла. Её жидкие короткие волосы прилипли к бугристому лбу. Румяна на дряблых щеках размазались, по вискам струился пот. Однако Гарик не обращал на это никакого внимания, продолжая прижимать к себе подушкообразную партнёршу. Он поправил её сползшие руки на своих плечах.

И подруги зажали рты руками, увидев тёмные круги промокшей ткани под мощными подмышками главного бухгалтера.

– Я больше не могу, нужно дымку глотнуть, – призналась Эмма. – Ты здесь подождёшь или со мной?

– С тобой, – с готовностью отозвалась Князева.

Перед выходом на улицу они попросили на ресепшен⁵ два тёплых пледа и, замотавшись в них, шагнули на мороз.

– Далеко не пойдём – холодно, да и ты в туфлях навернёшься. Давай здание обойдём и около стеночки пристроимся. Там, на первом этаже – процедурный блок, и ночью никого нет, – размышляла Эмма, шагая вдоль стены и придерживая семенящую на высоких каблуках Зиночку, которая, скользя и охая, цеплялась за подругу.

– А там разве ещё территория санатория? – стуча зубами, поинтересовалась Князева. – Мне показалось, там уже забор высоченный, а дальше – дорога.

– Забор в метре от здания проходит, самое то, чтобы никто не увидел. Блин! В сорок лет как школьница. Ох уж эта борьба с курением!

– А ты бросить не пробовала? – поинтересовалась Зинуля, поскользнулась и, пошатнувшись, продолжила путь.

– Так бросаю! Видишь, как мало курю? Раньше пачки по полторы в день, а теперь пять штук норма. К восьмому марта завяжу!

– А чего не к двадцать третьему февраля? – съязвила Князева.

– Отстань! У меня свой план-график.

Наконец они зашли за угол и остановились. На низком подоконнике одного из медицинских кабинетов стояла пепельница с окурками.

– Во! – хихикнула Эмма. – Эскулапы тоже грешат табачком.

Она уже было вытащила из кармана джинсов зажигалку, как где-то высоко – над их головами – раздался тихий треск, похожий на звук с трудом открывающейся рамы.

– Только бы возмущаться не начали, постояльцы пафосные, – прошептала Эмма.

---

³ По своей сути слово «треш» (trash) с английского языка переводится как «хлам, мусор, бардак». Трешем называют что-то плохое или безумное, выходящее за нормы привычного. (Прим. автора.)

⁴ Здесь имеется в виду противостояние поэтов, танцоров, рэперов и тому подобное. (Прим. автора.)

⁵ Ресепшен – это неказистое заимствование английского слова «reception», которое можно перевести как «приёмная» или «регистратура». А также – зона информирования потенциальных и реальных клиентов фирмы, банка, гостиницы, аэропорта и пр. (Прим. автора.)

Она хотела ещё что-то добавить, но в этот момент огромный и, видимо, тяжёлый свёрток стремительно пролетел перед ними, с глухим стуком приземлившись по ту сторону высокого забора.

Эмма нецензурно выругалась.

– Это что было?

– Может, мусор выкинули? – глупо предположила Зиночка, перестав трястись от холода.

– Пойдём-ка отсюда. Что-то курить расхотелось, – взволнованно проговорила Шталь. – Чуть зайкой не осталась! Так, глядишь, ко Дню святого Валентина и избавлюсь от вредной привычки...

Глава 2

Утром Зину разбудил телефонный звонок. Это был Кольцов.

– Как дела? – взволнованно спросил напарник.

– Если ты ждёшь отчёта, то напоминаю, что прошёл всего лишь один день... А если быть ещё точнее – девятнадцать часов с момента заезда, – она хотела добавить ещё аргументов, но не успела, так как Фёдор, ничуть не заботясь о приличиях, по-свойски перебил напарницу.

– Там у вас под забором таксист труп обнаружил. Молин с бригадой уже на месте. Я ему вкратце рассказал о нашем заказе. У него к тебе просьба: на людях не показывать, что вы знакомы. Поняла? Я ему номер твоей комнаты сказал. Если надо будет – сам тебя найдёт. Или позвонит... Или инсценирует неожиданную встречу. Не знаю... Как пойдёт.

– Поняла, – медленно переваривая услышанное, проговорила Зинаида. – Федь, а когда Иван уедет, мне что, здесь оставаться или в город ехать?

– Ты что, сдурела?! Наоборот, сиди там – присматривайся, прислушивайся, чувствую, всё только начинается!

«Наверняка вчерашнее приземление тяжёлой поклажи за периметр санатория имеет отношение к делу! Теперь я ещё и вынуждена стать свидетельницей», – подумала Зинуля, собираясь на завтрак, и, как говорится, накаркала...

Проходя через просторное фойе по дороге в столовую, она услышала громкий голос Эммы, разговаривающей у стойки регистрации с подполковником Иваном Молиным.

Памятуя о предупреждении Фёдора не выказывать признаков знакомства с полицейским, Князева попыталась продефилировать мимо.

– Зина! – завопила Шталь. – Вот эта Зина... Ну, с которой мы у забора стояли... Зина, иди сюда!

– Подполковник Молин, – Иван с индифферентным лицом показал Зиночке раскрытое удостоверение.

– Зинаида Князева, – сухо ответила старая знакомая.

– Так вот, значит, мы с Зиной обошли корпус и встали за углом под окнами процедурной... – продолжала прерванный рассказ Эмма.

– Стесняюсь спросить: а что две симпатичные девушки делали в полдвенадцатого ночи в таком неприглядном месте?

– Курили, – понизив голос, сообщила Эмма.

– Курили?! – не поверил своим ушам Иван и, пренебрегая конспирацией, строго посмотрел на Зиночку.

– Мы сначала выпили на танцах бутылочку винца, а потом – курили... – пояснила тамада.

– Замечательно! Пили, курили... Разврату не предавались? – казалось, что Молин, забыв про правила игры в шпионов, сейчас возьмёт Зинаиду за ухо, а затем на глазах у всех присутствующих отведёт в машину и отправит домой.

– Не предавались, – сокрушённо ответила Эмма. – Никто нас не соблазнял...

– Ну слава богу! Хоть тут пронесло, – выдохнул Иван. – Но это очень показательно, что в санатории, практикующем передовые методы лечения, и наливают, и курить разрешают.

– Во-первых, мы не курили, – зло пояснила Зина. – Мы только собирались, а во-вторых, я – не курящая. Я за компанию ходила. А курить здесь категорически запрещено, поэтому и прятаться приходилось...

– Угу-угу, – пробормотал подполковник. – На первый раз прощаю и сообщать администрации о вопиющем нарушении регламента медицинского учреждения не стану. Теперь рассказывайте о том, что видели!

– Сначала раздался характерный звук открывающейся балконной двери, – Князева начала отвечать сама.

– Почему такая уверенность? Почему думаете, что это было не окно? – спросил полицейский.

– Потому что, смею предположить, подготовка к зиме во всех номерах производилась одинаково. Вот у меня в номере окно открывается почти беззвучно, а балконные двери – они во всех комнатах аккуратно заделаны на зиму утеплителем. И открывать их не рекомендовали. Так вот, тот, кто открывал дверь, делал определённые усилия, и сначала я различила щелчок, а затем – затяжной звук треснувшей наклейки. Пролетевший над нами пакет ориентировочно был выкинут с последнего этажа. Так как приземлился напрямик за забором. Со средних этажей это сделать было бы более затруднительно. Никаких разговоров или чьих-то голосов мы не слышали. По всей вероятности, до тех пор, пока мы не ушли, даже дверь не закрывали. И это говорит о том, что злоумышленники нас могли заметить. А теперь ещё и вы с нами в людном месте беседуете.

Эмма, глядя на новую подругу, стояла с открытым ртом.

А Молин поскрёб затылок и только крикнул. Он торопливо записал что-то в блокноте и отпустил свидетельниц.

– Спасибо, девушки, ступайте на свой завтрак. Понадобитесь – навещу.

– Зин, а Зин, ты точно переводчица? – подозрительно спросила Эмма, размешивая в тарелке манную кашу.

– Переводчица, но часто присутствовала на допросах и дознаниях иностранных граждан, – выкрутилась Князева.

– Тогда понятно! – успокоилась Эмма. – Интересно, а чей труп они нашли?

Она, не донеся ложку до рта, вздрогнула и со страхом покосилась на два пустующих стула за их столиком.

– Да ладно, – замерла Зинуля. – Ты думаешь, что кто-то из неразлучных подруг?

Она хотела ещё что-то добавить, но не успела...

Бледная словно приведение Белла медленно отодвинула тяжёлый стул и заняла своё место за столиком.

– Слава тебе господи! – облегчённо выдохнула Шталь. – А Галка твоя где?

– Галка? – испуганно переспросила Белка. – Без понятия! Откуда я знаю, где эта женщина?

– Не поняла? – ошолбенела Эмма. – Вы что, поссорились?

– Эмма! – одёрнула её Зинуля, строго покачав головой.

Но простодушную тамаду это ничуть и не смутило, и не остановило.

– Утром за забором санатория, недалеко от корпуса, нашли труп женщины. Ты об этом разве не слышала? – Шталь снова принялась атаковать соседку вопросами. – Подполковник сказал, что покойная – некто Гали Гунарас. Спрашивал, не знакомы ли мы с ней. Я сказала, что мы с Зиной лишь вчера приехали, познакомились только с соседками по столику и никакой Гали не знаем. А сейчас я подумала, вдруг у твоей подруги полное имя вовсе не Галина, а Гали?

Зинуля, быстро переварив услышанную информацию, тоже с любопытством посмотрела на расстроенную Белку.

– Она мне не подруга, – медленно повторила поникшая совладелица автосалонов. – Мы с ней здесь познакомились. Я уже неделю отдыхаю. И она тоже...

– Но вы сами говорили, что любите путешествовать вместе, – напомнила Зиночка.

– Ничего я не говорила!

Князевой показалось, что Белла очень напугана, и она прекратила разговор.

Эмма взглянула на часы и, воскликнув, что опаздывает на процедуры, резко сорвалась с места.

Белла без аппетита поковырялась в тарелке и тоже покинула столовую.

Зина поискала глазами официанта, обслуживающего их столик, и призывно помахала рукой.

Вёрткий белобрысый паренёк мгновенно откликнулся на призыв отдыхающей.

– Кофе закончился? – догадался юноша и, метнувшись к буфету, вернулся с полным кофейником.

– Спасибо, – вежливо поблагодарила Зинуля. – У меня ещё один вопрос. Вы случайно не знаете, в каком номере проживает моя соседка Галина, – с этими словами она указала на стул не явившейся к завтраку дамы. – Я вчера за ужином обещала ей книгу занести... А сегодня она не пришла.

– Вы что ж, не знаете? – официант округлил глаза. – Её утром за забором нашли... Мёртвой. Ой! Мне, наверное, не следовало вам ничего говорить. Хотя, в данном случае, репутация санатория не страдает. Нашли её не на нашей территории, но тем не менее... Сами понимаете.

Зина придала лицу испуганное выражение.

– Ну вот, напугал вас, – сконфузился официант.

– Ничего, ничего, я умею держать себя в руках, – прошептала Зина, глядя на парня.

– Удачного вам отдыха в нашем санатории! – глупо произнёс тот заученную фразу.

Зинуля хотела поблагодарить официанта за кофе, но неожиданно громко чихнула. Видимо, вчерашняя пробежка в туфлях по снегу не прошла даром.

– Будьте здоровы! – на бегу прокричал официант.

– Будьте здоровы! – снисходительно произнесла Мира Петровна, величественно проплывающая мимо Князевой.

Зинуля смущённо кивнула и налила себе свежий кофе.

Мысли сбились. Зина сразу вспомнила маму...

Однажды, бережно протирая специальной тряпочкой портрет знаменитого прадеда – обер-секретаря Сената Князева Анисима Титовича – мамуля расчихалась. Стоявшая рядом маленькая Зиночка после каждого раздавшегося чиха звонко выкрикивала: «Будь здорова!» – и заливисто смеялась.

После этого случая мама и завела с ней разговор о псевдовежливости и псевдоманерах.

– Удивительно то, что в России много вежливых, но при этом абсолютно невоспитанных людей. Их хорошие манеры основываются на советских догмах, не имеющих к этикету никакого отношения.

– Ты про что сейчас? – удивилась тогда Зиночка.

– Про то, что по-настоящему воспитанных людей сейчас, наверное, и не осталось!

– Неправда! – заартачилась Зинаида. – У нас в школе все вежливые: и здороваются, и в обед приятного аппетита желают, а чихнёшь – тут уж и вовсе никто не промолчит.

– Вот и я о том же, – усмехнулась Князева-старшая. – Все твои примеры – есть не что иное, как результат псевдовоспитанности. Люди часто говорят: «Будьте здоровы!» – если чихает малознакомый человек. Перед едой обязательно желают всем приятного аппетита. И ладно бы только дома, в кругу таких же псевдовоспитанных людей.

– Мамуля, ты не права, – обиделась Зина. – Например, за границей в ресторане говорят «bon appetit⁶» – я в кино видела.

– Стоп! За границей в ресторанах эту фразу произносят официанты, в домах – прислуга. А у нас – кто попало! – не сдавалась мама. – А ещё раздражает, когда такой «манерный», оказавшись за столом в компании – хоть в ресторане, хоть у себя дома, – почему-то решает, что в уборную просто так отлучиться нельзя, поэтому он придумывает объяснения: «Простите, мне

---

⁶ Приятного аппетита. (фр.). (Прим. автора.)

нужно попудрить носик... Пойду в ванную... Посещу удобства», – типичные эвфемизмы для таких случаев. Только правда в том, что этикет осуждает какие-либо публичные комментарии физиологических тем. Запомни на всю жизнь, доченька! Appetit, чихание и посещение туалета – это физиология! И комментировать это не допускается. Чихнул человек? Промолчи. Сделай вид, что не заметила. Что касается «приятного аппетита»... Желать приятного аппетита, да ещё в большой компании – плохой тон. У нас – в филфаковской столовой – воспитанную из себя изображала каждая пятая студентка. Из-за чего нормально пообедать становилось невозможно, представь: какой над головами стоял гомон из «приятного аппетита», а рот был занят ответными «спасибо».

– Ну, это спорный вопрос, – уклончиво ответила Зинуля. – А при чём здесь ежедневное приветствие?

– Со всеми подряд здороваются только невротики, – назидательно произнесла мама. – Такие люди, как правило, всегда вслух здороваются со всеми знакомыми. И хорошо, если они встретили соседа по дому в другом конце города, – здесь приветствие более или менее уместно. Но громко говорить «привет» или «здравствуйте» в коллективе, в котором ты проработал уже десять лет и всех абсолютно знаешь, – глупо. Потому что в таком месте тебе априори будут попадаться одни лишь знакомые люди. Этикет не так иррационален, как кажется невоспитанным людям, – в том, как и кого надо приветствовать, ровно столько же смысла, как и в порядке выкладки приборов у тарелки, – всё подчинено удобству человека. Для приветствия людей, которых вы каждый день неминуемо встречаете на своём пути, есть кивок головы – потомок поклона.

Тогда, двадцать лет назад, Зинуля с родительницей не согласилась. Но сейчас, когда ловила на себе улыбочивые взгляды из-за соседних столиков, ей пришлось раз десять пробормотать «спасибо» в ответ на учтивое «будьте здоровы». Может быть, действительно права была мама, доказывая, что многократное «приятного аппетита» и «будьте здоровы» – это плод представления об этикете рабочих и крестьян, которые после истребления аристократии были вынуждены учить правила по своим фантазийным представлениям об этой аристократии, а о том, что от постоянного приветствия вслух отдаёт невротическим расстройством, они и не задумывались...

Кофе пить расхотелось. Она поднялась со стула и направилась к себе в номер...

Облачившись в белый махровый халат с фирменной вышивкой-логотипом на кармашке, Зинуля поспешила на процедуры. Захлопывая дверь, услышала, как в кармане раздался звук постукивающей на телефон эсэмэски.

«Зин, привет! Приеду в пять. Приходила Флора, просила помочь в одном деле!» – написал Кольцов.

«В пять так в пять...» – подумала Зиночка, спускаясь по лестнице в отделение водных процедур.

Первой в графике пациентки Князевой значилась «жемчужная ванна».

Зиночка подошла к кабинету за десять минут до начала сеанса. Пришлось подождать. От нечего делать она стала изучать информацию со стендов, развешанных на стене.

«Жемчужные ванны» – это одна из разновидностей гидромассажа. Такое название они получили из-за того, что характеризуются формированием очень мелких кислородных пузырьков, которые чем-то похожи на жемчужины. Это специальные ванны, на дне которых имеется много мелких отверстий. Через эти отверстия в наполненную водой ванну проходит нагнетаемый компрессором воздух, в результате получается массаж с помощью воды

и пузырьков воздуха... Процедура ускоряет выведение токсинов из организма, улучшает сон, помогает при устранении стрессов и депрессивных состояний...»

Увлечённая «познавательным» чтением Зинуля только сейчас поняла, что кто-то стоит сзади неё и дышит ей прямо в затылок. Развернувшись на сто восемьдесят градусов, она оказалась лицом к лицу с Константином.

– Массаж пузырьками, конечно, снимает стресс, – томно проговорил «медбрат». – Но есть и другие способы...

– Неужели? – притворно изумилась Князева. – Интересно...

Она хотела съязвить нахалу, но в это время дверь перед ней отворилась, и в проёме возникла Мира Петровна с чалмой из полотенца на голове.

– Уф! – шумно отдуваясь, грузная бухгалтерша присела на стул.

«Медбрат» тут же исчез, а Зиночка зашла вовнутрь кабинета. Полностью раздевшись, она залезла в глубокую и просторную ванну. Пробегавшая мимо тётка в халате нажала кнопку и, перевернув песочные часы, убежала обслуживать других пациентов.

Лежать в тёплой ванне было приятно. Тело покрывалось маленькими пузырьками воздуха и расслаблялось. Зинуля смежила веки.

– Тебе говорили, что ты очень красивая? – раздался над ухом жаркий шёпот Константина. – У тебя потрясающее тело, гладкая кожа. Всё это создано для ласк и прикосновений мужских рук...

– Сгинул отсюда на фиг! – злобно рявкнула Зинаида, открыв глаза. – Урод недоделанный!

Ловелас-неудачник попытался улыбнуться, но только по шлю почмокал губами, не переставая разглядывать обнажённую Зину.

– Тихо, тихо... Богиня моя... – простонал блондин.

– Я-то – тихо?! – громче прежнего произнесла Князева. – Ладно, сейчас «тихо» встану и оторву тебе одно место. Тогда ты будешь громко голосить! – пообещала она.

– Любишь грубости? Грязная девчонка!

– Считаю до трёх, – пригрозила Зина.

– Зинаида, это ты тут буянишь? – из-за кафельной перегородки послышался голос Шталь. – Чего там у тебя?

Костя подмигнул Князевой и вышел.

– Безобразие! – возмущалась Зинаида. – Всё настроение испортил! Я так это не оставлю! Устроили вертеп!

Разгневанная, она вылезла из ванны и, быстро одевшись и не откладывая дело в долгий ящик, решила пожаловаться ответственному по процедурам. Не задумываясь, она выглянула за перегородку, рассмотрев в самом конце длинного коридора стол, за которым сидела тётка в белом халате.

Зиночка направилась напрямиком к дежурной.

– Ах! Ох! Вы сошли сума! Что вы себе позволяете?! – неслось справа от неё.

Только сейчас до Князевой дошло, что она шествует напрямиком мимо разделённых друг от друга перегородками отсеков, которые все как один были лишены четвёртой стены. Получалось, что каждый пациент, заходя в отдельную дверь из холла процедурного отделения, принимал ванну в кабинете, который с торца выходил в общий длинный коридор, для обслуживающего персонала.

Инстинктивно оборачиваясь на крики, она выхватывала взглядом рассерженные лица абсолютно голых мужчин и женщин. Ошалевшая от ярости, «дежурная по ваннам», вскочила из-за стола и, словно кудахчущая курица, нелепо размахивая руками, ринулась навстречу нарушительнице покоя пациентов.

Зинаида, осознавшая нелепость и постыдность ситуации, на свою беду расценила подаваемые сигналы как необходимость немедленно вернуться на место, и поэтому, «решив исправить положение», она, почти дойдя до цели, вновь крутнулась на кафельном полу и направилась в обратную сторону.

– Маньячка! Идиотка! Деревня тупоголовая! – снова завизжали дамы.

– Вуайеризмом⁷ страдаете или аквафилией⁸?! – иронично поинтересовался один из мужчин.

От последней реплики у Князевой окончательно «снесло башню», не в силах терпеть оскорбления, она двинулась на голос и вплотную подошла к ванне, в которой ничуть не смущаясь её приближения «отмокал» вчерашний любитель коньяка.

– Вы хотите сказать, что я специально подглядываю за вами? Вы хотите сказать, что ваше жир... – ладно, не стройное – тело меня возбуждает? Это! Это вы! Эксгибиционист! Хоть бы прикрылись!

Дежурная, наконец достигшая нарушительницу покоя, сгребла Зинулю в охапку и вытолкала мимо ванны старика в дверь.

– Я пожалуюсь на вас главврачу! – пригрозила тётка.

– Вы на меня пожалуетесь?! – задыхалась от злости Князева. – Это я хотела поставить вас в известность о проникновении ко мне в кабинку одного из сотрудников, который говорил мне всякие гадости...

– Замолчите, дамочка! Не выдумывайте! Кроме меня и других пациентов, здесь никого не было! Натворили делов, так имейте совесть извиниться!

Открылась средняя дверь, и из неё вывалилась Эмма, завязывая на ходу халат.

– Тихо, женщины! Ничего страшного не произошло. Не надо никому жаловаться! – она ловко засунула в карман возмущённой тётки несколько сотенных купюр. – Всё! Успокаиваемся и расходимся!

Когда они зашли в Зиночкин номер и за ними закрылась дверь, Эмма расхохоталась.

– Ну ты, подруга, даёшь! Всех хоть мужиков рассмотрела?

– Отстань! – беззлобно огрызнулась Князева и, плюхнувшись в кресло, поведала новой знакомой обо всём, что случилось с ней во время водных процедур.

– Блин! А чего ко мне никто не заходит? – озорно проговорила Шталь. – Я бы не орала. Я бы этого красавчика за халат – и к себе в ванну...

– Эмма!

– Что Эмма?! Молоденький, хорошенький!

– Молоденький, – Зиночка передёрнула плечами. – А ведёт себя как озабоченный. Ровесниц мало? Я ему практически в матери гожусь. Геронтофил чёртов!

– Тоже мне, старушка! Про «в матери» загнула, конечно, – хихикнула Эмма. – Ты вокруг посмотри! Сплошь и рядом такое...

– А я на такое не смотрю! В мире, знаешь, чего только не бывает! В каком-нибудь племени мумба-юмба людей жрут и коровьи лепёхи трескают. И что теперь, всем за ними повторять?!

– Остынь! Это я так, к слову, – не обиделась Эмма.

– Ты сколько тётке денег сунула? – спохватившись, Зинуля полезла в кошелёк.

– Не обижай меня! – Эмма вытянула вперёд поднятую ладонь. – Я – тамада бедная, но гордая...

– Ладно, вечером с меня шампанское, – согласилась Князева...

---

⁷ Стремление к наблюдению за интимными, преимущественно сексуальными, действиями других людей. (Прим. автора.)

⁸ Возбуждение от воды и/или водного пространства, в том числе от ванн. (Прим. автора.)

Она уже сушила волосы феном, когда в дверь постучали. В комнату вошёл Герман Блюм с коробкой шоколадных конфет в руках.

– Зинаида Львовна, мне стало известно о забавном недоразумении в отделении водных процедур, произошедшем, так сказать, при вашем непосредственном участии. Это – оплошность персонала! Следовало предупредить вас о запрете выхода за пределы перегоронок. Предлагаю отнестись к случившемуся с юмором. Не более того... Так что не тушуйтесь – всё в порядке.

– Я и не тушуюсь, – Зина нехотя приняла подарок и поблагодарила, после чего сочла необходимым рассказать врачу о том, что сподвигло её на разговор с дежурной.

– Вы хорошо спите по ночам? – прозвучал неуместный вопрос. – Я в курсе, что полиция опрашивала вас по поводу инцидента, – он замялся...

– А при чём тут это? – возмущённо переспросила Зина.

– Знаете ли, адаптация на новом месте плюс стресс – всё это на фоне нерегулярной половой жизни и сыграло с вами злую шутку... Думаю, что вы не заметили, как задремали, и вам привиделось.

– Привиделось, значит? Странно, конечно, что в моих эротических фантазиях ко мне явился малограмотный молокосос с манерами низкопробного обольстителя. Я, знаете ли, предпочитаю мужчин несколько другого плана.

Зина резко замолчала. Ей вдруг расхотелось оправдываться. Зачем пытаться что-то доказывать, если цель визитёра – отрицать всё, что бы она ни сказала.

Блюм тоже замолчал, а затем, сделав вид, что вспомнил о чём-то неотложном, раскланялся и удалился.

Глава 3

К пяти часам вечера Князева добежала до парковки перед въездом на территорию и стала прохаживаться в ожидании Кольцова.

Знакомый «Вольво» остановился поодаль и поморгал фарами. Зинуля подбежала к машине и плюхнулась на переднее сиденье. Она была рада увидеть верного друга.

Подробно отчитавшись обо всех событиях минувших дней – особенно о подслушанном из беседки разговоре двух неизвестных, – посмотрела на Фёдора.

– А что у тебя? Какое ещё новое дело Флора подкидывает? Мы здесь не разобрались пока...

– Всё одно к одному, Зиночка, одно к одному... И Молин просит по поводу Гали Гунарас поузнавать, да и просьба Чайниковой тоже напрямую с «Грёзами» связана. Меня из постели выдернула аж в шесть утра! Представляешь?!

– Так что там у неё стряслось? – нехотя спросила Зина. – И что ей от нас нужно?

– Не от нас, а, скорее, от тебя и твоей новой знакомой... Эммы, кажется...

– От меня? Почему от меня? А Эмма здесь при чём?

– Тут такое дело... Даже говорить противно. Короче, некто – Флорина протезе – отдыхает сейчас в санатории. Эта дамочка очень боится быть разоблачённой мужем и испортить не только своё реноме, но и будущую жизнь, лишившись по условиям брачного контракта дохода от семейного бизнеса.

– Очень мудрёно ты излагаешь. Я пока ничего не поняла! Скажи просто: как девушку зовут, в каком номере живёт? Я сама с ней свяжусь и узнаю, чем смогу быть полезна. А то как-то сложно. Зачем Флору просить? – Князева передёрнула плечами.

– Абсолютно с тобой согласен, – усмехнулся Кольцов. – Но, видишь ли, дело в том, что барышня выйдет на связь и представится только после того, как мы дадим стопроцентную гарантию, что согласны выполнить её просьбу.

– Да что за просьба?! – разозлилась Зина.

– Ой, чувствую, сейчас ты меня покусаеть, – попытался отшутиться Фёдор. – Наша благопристойная матрона на самом деле – персона нетрадиционной сексуальной ориентации...

– Так, Фёдор! Дальше можешь не продолжать! Я на такое не подписываюсь, при всей моей гражданской толерантности! – отрезала Зинуля.

– Да, блин, не про то рассказ. Короче, она – единственный и поздний ребёнок очень богатых родителей. Очень! – для убедительности Кольцов поднял вверх указательный палец и многозначительно помолчал. – По всей вероятности, когда девочка повзрослела, то престарелые отец и мать настолько переусердствовали, оберегая своё чадо от связей с представителями мужского пола, что своими запретами сами и подтолкнули её к нетрадиционным отношениям. Им бы и в голову не пришло, как проводит своё свободное время дочурка, если бы однажды похождения бесстыдницы не попали на страницы местной жёлтой газетёнки, в которой одна из активисток однополый любви разместила довольно откровенные фото. Тогда папа с мамой и решили её срочно выдать замуж, снабдив огромным приданым. Помимо приданого, все нажитые капиталы тоже переходили в управление будущему зятю, но при условии – задокументированного брачным контрактом – согласия: никогда не разводиться с их доченькой. Короче, пока недалёковидные женихи, боявшиеся запятнать свою репутацию, шарахались в разные стороны от такой невесты, один преуспевающий деляга – чьё становление пришлось на лихие девяностые – «замараться» не побоялся. Только смелый претендент на руку и сердце оказался не дурак. Представившись будущим родственникам человеком глубоко верующим, он уговорил стариков изменить концепцию контракта, ссылаясь на религиозные постулаты. А именно: в обязательном порядке совершить таинство венчания, а в дальнейшем – регулировать

отношения между супругами исключительно церковными канонами, мол, я-то от обещанного не откажусь, но если жена начнёт богопротивное творить – мириться с этим я, как добрый христианин, не желаю. Против такого аргумента родственники невесты не возражали. Наивные старики посчитали, что это пойдёт только на пользу. Они были уверены, что русская церковь считает брак нерасторжимым и допускает прекращение супружеского сожития только из-за измены одного из супругов, то есть – прелюбодеяния. Само же прелюбодеяние по их понятиям – это влечение к противоположному полу. А когда одна «Лиза» с другой «Лизой» – про такое не прописано...

– А причём тут какая-то Лиза?

– «Лиза» на современном сленге – лесбиянка, – пояснил сыщик.

– Ну ты и подкован! – ухмыльнулась Князева.

– Пришлось в интернете ползать, – признался Фёдор. – Но они ошиблись!

– Конечно, ошиблись, – подхватила Зиночка. – За новостями следить нужно. Мы живём в эпоху реформ и изменений. «Учитывая всеобщее оскудение в людях любви, а также идя на уступки человеческой немощи»... В Основах социальной концепции РПЦ к греху прелюбодеяния в вопросе расторжения брачного союза были добавлены ещё одиннадцать пунктов. И среди них такой: «Противоестественные пороки».

– Так вот, наша клиентка предполагает, что муженёк решил перейти к активным действиям. Следит, вынюхивает, заказывает компромат... В случае если насобирает доказательств, то разведётся без финансовых потерь и опозорит на всю область. Вот такие вот дела... – продолжил Кольцов.

– Так... А мы с Эммой здесь каким образом помочь сможем?

– Вы должны будете обеспечить ей алиби. Мол, всегда была на глазах и в связях, порочащих её, не замечена. Смешная Чайникова даже интересовалась: могу ли я такую справку написать.

– Кольцов, у нас в агентстве, по-моему, всё не так плохо. Конечно, сейчас, после новогодних праздников – затишье, но ведь это не повод превращаться в посмешище? Она что, хочет, чтобы мы подтвердили, что во время отдыха будем охранять её от самой себя, вернее – от её низких похотей? Или как?

– Вот и я так же спрашивал. Но Флора уверена, что муж подстроит провокацию, а «бедная Лиза» – пока будем называть её так! – соблазнится, чем и сыграет на руку зловердному супругу.

– Кольцов, это за гранью моего понимания... Мне кажется, что я бы меньше возмутилась, найми нас толстая обжора, купившая самую дорогую путёвку в гастрономический тур с многочисленными посещениями самых изысканных ресторанов каждый день. При этом в наши обязанности вменялось бы категорически не допустить, чтобы клиентка съела хоть кусочек из того, что ей предлагают.

– Да... Твоё образное мышление не перестаёт меня удивлять, – притворно похвалил напарник.

– Федя, ну ты же умный детектив и должен понимать, что это – ерунда полнейшая! Если будут фото- или видеоматериалы – кто нас слушать станет? Кто эти бредовые справки читать будет?

– Да ладно... Фото и видео можно опровергнуть, сказав, что монтаж. А вот за обеспечение для неё алиби – в случае суда при разводе – нам выплатят пятьсот тысяч рублей. Да за одно согласие только – сто тысяч...

– Ужас какой-то! – возмутилась Зиночка. – Получается, что эта «Лиза» постоянно ведёт двойную жизнь и не собирается себя ни в чём ограничивать! Это что: она будет контракт нарушать направо и налево, а муженёк – которому это не по нраву – терпеть обязан и даже развестись не сможет? А если он её ловит на неисполнении договора, то она обиженно всхлипывает в сторонке, а я деру глотку и, надрываясь, обманывая всех на свете, предоставляю лживое

алиби и зарабатываю грязные деньги? А ты, Федя, подумал, что потом нас подобными заказами закидают... Ты как своему другу-полицейскому Молину в глаза смотреть станешь?

– Значит, не проявишь женскую солидарность?

– Тут – не про солидарность, тут – про нарушение закона. Не нравится мне это... Я, конечно, уважаю Флору Эмильевну и за строительство детского дома, и за заботу о маленьких сиротах, но тут... Передай ей, что я отказываюсь изначально. Если у её протеже есть действительно веские аргументы, почему мы должны ей помогать, – пусть обращается, пусть сама всё подробно изложит. Может, мы что-то другое придумаем, как-то иначе защитим от разорения... А пока... Мне трудно через себя в таком переступить.

– А кто говорил, что будет легко? Я не говорил... Теперь перейдём к нашим старым делам? Из твоего рассказа я понял, что персонал заведения нацелен на тесные связи с отдыхающими? И к тебе активно пристаёт некто Константин.

– Мерзкий и слащавый юнец, – уточнила Зина.

– Да, дела! С одной стороны – было бы неплохо тебе с ним пофлиртовать, может, разговорил бы парня...

– Так, Кольцов, я тебе не гетера... Бесед с развратными типами вести не намерена.

– Да понял я, не злись. Не нужно мне было тебе Флорину просьбу озвучивать. Завелась ты, Зинаида Львовна, из глаз молнии сверкают... Короче, я всё сам продумаю. Выкрутимся как-нибудь. Только ты, мать, ничему не удивляйся! Я одну мыслишку на днях реализую для подстраховки! Тебе понравится!

* * *

После ужина всем отдыхающим предлагалась пешая прогулка под руководством инструктора по скандинавской ходьбе.

Неуёмная Эмма тут же уболтала Зиночку посетить мероприятие.

– Мне всегда охота было с этими палочками походить, – щебетала она. – Только одной – стыдно как-то, а здесь – группой. Да ещё и научат, как правильно. Говорят, что очень для позвоночника полезно.

Желающих около ресепшен собралось не много: старушки-веселушки, активистки танцпола да Зина с Эммой.

– Доброго всем вечера! – раздался приятный мужской баритон. – Меня зовут Марат, я – тренер по фитнесу.

Волоокий брнет высокого роста, экипированный в лыжный комбинезон, прижимал к груди специальные палки для ходьбы.

– О! Марат! – игриво простонала Шталь. – Просто красавец, как думаешь, сколько ему лет?

– Эмма, утомись, – отшутилась Зиночка. – Думаю, сорок.

– Yes! Мой любимый возраст! – откликнулась Эмма. – И «look» подходящий.

– Что подходящий? – не сразу сообразила Князева.

– Внешность! Спортивный такой мужчинка, взгляд строгий... Всё, как мне нравится! Это словечко я от молодых коллег позаимствовала, – пояснила тамада.

«Варваризм какой-то, – с легким раздражением подумала Зиночка, – можно подумать, что в русском языке подходящих слов не найти».

– Разбираем снаряжение, – объявил Марат и начал раздавать палки.

– Ой! Какие лёгкие! – удивилась Эмма и тут же обратилась к инструктору. – А как правильно эти штуковины называют?

– Любознательность следует поощрять! – Марат обворожительно улыбнулся дамам. – Если быть точными, то настоящее название палок – «темляк». Как вы можете убедиться, они

короче лыжных, а на ручках оснащены закреплёнными ремешками, напоминающими перчатки без пальцев. Это помогает отталкиваться, не сжимая ручку палки. Палки обычно производятся из лёгких материалов – алюминия, углепластика или композиционных материалов. Всё! Теперь выходим на улицу и приступаем к освоению навыка правильной скандинавской ходьбы.

Отойдя подальше от центрального входа в корпус, Марат остановил группу на ярко освещённой площадке и продемонстрировал, как нужно двигаться.

– Движения рук, ног, бёдер и тела должны быть ритмичными и такими же, как при ходьбе. Противоположные руки и ноги по очереди движутся вперёд и назад, но – более интенсивно. Очень важно сразу найти правильный темп движения, чтобы почувствовать результаты тренировок, – растолковывал инструктор, терпеливо поправляя каждую подопечную.

Наконец, когда он удовлетворительно кивнул, группа «скандинавских ходунов» потелепалась по дорожке.

Марат Зинуле понравился. Никакой слащавости, никакой пошлости и сальных шуточек – всё по делу. Он так серьёзно следил за тем, как новички двигаются, что Зина невольно улыбнулась. Идущая впереди Шталь, как показалось Князевой, нарочно привлекала к себе внимание инструктора.

– Опять сбилась! – капризным фальцетом восклицала Эмма. – На носок ногу ставить?

– Нет, нет! – тут же отзывался Марат и подбегал к «недотёпе». – Стопы ставьте прямо. Сначала – на пятку. Затем, совершив толчок, стопа перекачивается вперёд, вес переходит на подушечки стопы, на пальцы, на пятку другой ноги, и снова то же самое, но с другой ноги, – терпеливо пояснял он, не уставая демонстрировать правильные движения. – И, пожалуйста, соблюдайте контроль дыхания, разговаривать не нужно.

– Я не могу не разговаривать, – притворно захныкала Эмма. – Если вы приказываете нам молчать – тогда сами рассказывайте что-нибудь. Можете стихи почитать. Пушкина, например, – она засмеялась.

– Стихи?! А что? Таких тренировок у меня ещё не было. Но, как говорится, желание дамы – закон.

«Умница! – восторженно подумала Зинаида. – Даже ломаться не стал. Интересно, что прочтёт?»

– Итак, по просьбе милых дам – Джордж Гордон Байрон: «Она идёт во всей красе»...

*«Она идёт во всей красе —
Светла, как ночь её страны.
Вся глубь небес и звёзды все
В её очах заключены.
Как солнце в утренней росе,
Но только мраком смягчены.
Прибавить луч иль тень отнять —
И будет уж совсем не та
Волос агатовая прядь,
Не те глаза, не те уста
И лоб, где помыслов печать
Так безупречна, так чиста...»*

Зинуля просто обомлела от восторга. Если бы сейчас рядом с ней была мама, то наверняка предложила бы дочери повнимательнее присмотреться к такому романтичному и образованному инструктору...

Князева обожала Байрона, но больше любила читать в первоисточнике – переводы зачастую не могли передать поэтической прелести стиха...

Словно поняв её мысли, Марат дочитал стихотворение до конца и задумчиво произнёс:
– Только я убеждён, что Байрона лучше читать на его родном языке, вот послушайте, как это звучало у поэта:

*«She walks in beauty, like the night
Of cloudless climes and starry skies;
And all that's best of dark and bright
Meet in her aspect and her eyes:
Thus mellow'd to that tender light
Which heaven to gaudy day denies...».*

Его произношение было безупречным. А проникновенность, с которой он декламировал, не могла оставить Князеву равнодушной. От нахлынувших чувств Зина остановилась.

Марат, улыбаясь, приблизился к ней.

– Не останавливаемся, не останавливаемся, – он посмотрел на Зиночку своим карим взглядом из-под пушистых ресниц и, сняв перчатку, обхватил тёплой и сильной рукой её пальцы. – Вот такими движениями, вот такими движениями, – приговаривал он, не переставая смотреть на Зину.

Зинуля же, казалось, разучилась понимать русский язык, она только видела его красивые губы и ещё – родинку на левой щеке.

– У меня снова ничего не получается! – запищала Эмма. – Марат, подойдите, пожалуйста.

– Иду... – отозвался инструктор и посмотрел на Зиночку таким взглядом, что её будто током ударило.

Очнувшись от мощного разряда «невидимого дефибриллятора» и придя в себя, по-новому ощутила зимнюю красоту: искрящийся от света фонарей снег; огромные сосны, припорошенные белым пухом; звёзды в тёмном небе. Сердце защемило от ожидания...

– Марат... – пробуя звуки на вкус, прошептала Князева, словно надкусила любимый шоколад с ореховой начинкой.

В фойе, собирая инвентарь, инструктор пригласил всех на занятия по фитнесу и, пожелав доброй ночи, попрощался.

– Мы, подружка, так не договаривались, – грустно произнесла Эмма. – Ты почто у меня красавчика уводишь?

– Не говори глупости, – придав тону равнодушия, ответила Зиночка. – Я мешать не стану. Дерзай! – напутствовала она приятельницу, в глубине души уверенная в том, что все попытки бойкой Шталь обречены на поражение.

«Он Байрона читает», – про себя подумала Зиночка и загадочно улыбнулась.

* * *

Ночью снилась какая-то белиберда...

Будто сидит она около заброшенной избушки в заросшем раскидистыми деревьями саду и слушает песни, которые напевает Марат, аккомпанируя себе на гитаре. Внезапно в небе раздаётся нарастающий гул летящего самолёта. Зиночке становится страшно. Из тёмных туч вырывается и проносится почти над самой головой белоснежный лайнер. Потеряв управление, воздушный корабль резко теряет высоту и с грохотом врывается в землю. Марат исчезает. А растерянная Зина смотрит, как вдалеке полыхает пожар и валит клубами чёрный дым...

Зинуле стало тяжело дышать, и она проснулась. Было три часа ночи. Свет зажигать не стала.

Замотавшись в одеяло, она открыла окно и, облокотившись о подоконник, с удовольствием втянула ноздрями морозный воздух.

Тишину ночи нарушили тихие всхлипывания. Кто-то плакал на балконе или у открытого окна, этажом ниже.

Зинуля прислушалась.

– Почему ты мне не веришь? – сквозь слёзы робко спрашивала женщина дрожащим голосом. – У меня никого нет! Никого, кроме тебя! Да, в телефоне имена мужчин есть, но это всё по необходимости, по работе. Ты знаешь, у меня большой круг общения по работе.

Собеседник что-то ответил из глубины комнаты. Его слов Зиночке было не разобрать.

– Да, конечно, милый, конечно, я дам тебе пароль и от телефона, и от электронной почты, смотри, когда вздумается, проверяй сколько хочешь. У меня от тебя нет никаких секретов. Только верь мне, не ревнуй и не бросай меня! Я не переживу расставания, – у женщины вырвался такой горестный вздох, что Зинуля поверила в искренность слов говорящей.

В глубине снова раздался непонятный бубнёж.

– А ты угадай, какой у меня пароль, – он везде одинаковый: и на всех гаджетах, и на сейфах... – голос стих.

Послышалась возня и шорохи.

– Ещё поцелуй, – попросила женщина. – У тебя такие губы... Всё, я не плачу. Не можешь догадаться? Да проще простого. Пароль везде один и тот же – самые счастливые для меня цифры... Дата нашего знакомства...

Женщина учащённо задышала и начала постанывать.

Зина тихо попятилась и постаралась неслышно затворить окно. Последняя фраза, которую ей удалось услышать, резанула ухо: «Гарик, мальчик мой, я такая счастливая...»

«Ничего себе страсти у бухгалтерши!» – подумала Зина, снова укладываясь в кровать...

Весь следующий день Зинуля находилась в приподнято-возбуждённом состоянии. Боясь признаться самой себе, что виновником резкого бурления эндорфинов является Марат, она словно намеренно натыкалась на него повсюду. То в фойе, то по дороге на процедуры. И каждый раз он смотрел на неё своим тягучим кофейным взглядом, и она млела, одновременно заряжаясь высокочастотной энергией притяжения.

До вечера порхая на невидимых крыльях призрачной влюблённости, Зина даже не сразу узнала Нила Моршина, расположившегося за соседним столиком в ожидании ужина.

– Ты смотри-ка... – вывела её из состояния транса Эмма. – Мужики косяком попёрли. Вчера – Маратик, а сегодня – новенький симпатяга. А высоченный какой! – Эмма беззастенчиво разглядывала Нила. – На артиста похож. На Алексея Нилова, когда тот молоденьким был...

– Да? – скептически вырвалось у Зиночки. – И она словно другими глазами посмотрела на коллегу из детективного агентства «Ринг».

– Девчонки с ресепшен говорили, что у него очень редкое имя – Карп, по-моему.

– Нил, – не задумываясь, брякнула Зина.

– Ты уже и с ним познакомилась? – зашипела Эмма. – Когда всё успеаешь? О, вот и наша Белла идёт, – указала глазами Шталь и расплылась в фальшивой улыбке.

После гибели Гали Белла за столом предпочитала отмалчиваться. Было видно, что она прилагает огромные усилия, чтобы выглядеть спокойной и отстранённой от всего происходящего.

Зина и Эмма в её присутствии тоже замыкались. Но молчание не тяготило, так как Белла старалась быстро поесть и тут же уйти. После чего приятельницы могли вдоволь болтать на любые темы.

– Мутная особа она всё-таки, – еле слышно вынесла вердикт Шталь. – То с подругой – не разлей вода, а теперь, мол, знать не знаю... По виду, хреново ей так, что мама не горюй, а она «упорно отдыхает», не уезжает... У неё путёвка на три недели... Но при её доходах эти траты – не деньги! Если бы мне было так муторно, то я бы не осталась. Кстати, я сегодня с Гариком разговаривала, он говорит, что полиция не нашла ни одну комнату, из которой могли пакет выбросить. И они склоняются к мысли, что тело, обнаруженное на дороге, оказалось там совсем другим образом. Получается, не поверил нам подполковник... Как думаешь, будет нас повторно опрашивать?

– Гарик, – вспомнила Зина подслушанный ночью разговор, пропустив остальные разглагольствования Эммы мимо ушей.

– Гарик сказал, – подтвердила Шталь и тут же переключилась. – Смотри, смотри с кем Белла так мило болтает!

Зиночка обернулась и увидела рядом с соседкой высокую брюнетку.

– Эллада Панаётис, скрипачка, и что особенного?

– Ничего, просто я не знала, что они близко знакомы.

– Уверена, мы много чего не знаем... – отозвалась Зиночка, размышляя, как лучше ей себя вести с Нилом.

Вот ведь Кольцов! Вот жук! Мог бы и предупредить, что за подстраховку организует.

– Сегодня вечером в музыкальном салоне – танцы, – вспомнила, словно невзначай, Эмма. – Сходим? Винца попьём. Может, Марат придёт или новенький этот...

* * *

Через три часа за столиками вокруг танцпола снова собралась знакомая компания.

При виде ухмыляющегося в её сторону старикана, которого она удосужилась лицезреть во время конфуза с «жемчужными ваннами», Зиночка смутилась только на мгновение. В конце концов, он первый начал оскорблять её, обзывая медицинскими терминами из области сексуальных извращений. Если бы молча сидел, то она бы и внимания не обратила. Большой вопрос: кому из них двоих должно быть неловко? По всей вероятности – ему. Но он сидит как ни в чём не бывало, ухмыляется, глядя на неё. Так с чего ей тогда глаза долу опускать?

И Зиночка одарила пожилого мачо длинным ироничным взглядом.

Бонвиван потупился и, сказав что-то своему бессменному собеседнику, перестал смотреть в её сторону.

Эмма пила вино и беззаботно болтала о всякой чепухе. Зинаида тоже пила вино и, поглядывая по сторонам, неосознанно ждала Марата.

Когда заиграла медленная музыка, словно из-под земли возник Нил и пригласил её на танец.

– Ну, привет, Зинаида Львовна! – радостно зашептал Моршин. – Я думал, ты сильнее удивишься моему приезду. А тебе вроде как всё равно.

– Это – месть!

– Месть? – переспросил Нил.

– Ну да! Вы мне – элемент неожиданности по несогласованному действию, я вам – элемент неожиданности по реакции.

– А-а-а, вот оно что... – протянул парень. – Хорошо, что предупредила, теперь готов к любой непредвиденной реакции на мои последующие действия.

– Ты сейчас о чём? – насторожилась Зина.

– По задумке Кольцова я должен стать твоим любовником. Ну не по-настоящему, конечно, – на всякий случай уточнил Моршин. – Мы везде должны ходить вместе и при каждом случае демонстрировать окружающим нежную привязанность. Тогда все попытки местных «Дон Жуанов» втереться к тебе в доверие будут напрасны. Правда, отличный план?

– Наверное, – признала Князева, вспомнив о противном Костике. – А что мне про тебя говорить, ты у нас кто по легенде Кольцова?

– Внук одного антиквара-коллекционера из Загорска. Фёдор придумал. У того фамилия – Моршен, через «е». Но мы уверены, что на это никто внимания не обратит, даже если меня «пробивать» станут. Тем более, я, когда при въезде анкету заполнял, умышленно себе в фамилии неверную букву указал. И – ничего! Никто не заметил, даже когда с паспортом сверяли...

Они танцевали почти в полной темноте. Зина с нетерпением ждала, когда закончится музыка. Для первого дня «знакомства» с новеньким одного контакта вполне достаточно. Тем более что она всё ещё не теряла надежду на встречу с фитнес-инструктором, знатоком Байрона.

Наконец затих последний аккорд. В зале зажёгся свет.

Первым, кого увидела Зиночка, был Марат. Он стоял в двух шагах от неё, прислонившись к барной стойке.

Зиночка разволновалась. «Тормоз» Моршин почему-то не убирал рук с её талии, и она с отчаяньем посмотрела на напарника.

По всей вероятности, Нил расшифровал её взгляд как призыв: «Внимание! Вижу врага! Действуй!» Он высокомерно посмотрел на Марата и, решив взять инициативу в свои руки, углубился в образ бывалого ловеласа, а именно: крепче прижал к себе Зину и смело поцеловал в висок.

От такого натиска Князева, задохнувшись, лишилась дара речи. Однако со стороны это выглядело как высшая степень возбуждения молодой женщины после поцелуя смелого любовника.

Зина испепеляла взглядом Моршина, застыв восковой фигурой.

– Зинаида Львовна, пойдём, я тебя на место провожу. На нас все смотрят. Не переигрывай. У меня уже силы кончаются, спать охота. Так что я сейчас удалюсь, да и ты не задерживайся... Если что, мой номер – пятьдесят три.

– Нил, ты сумасшедший, – злобно выдохнула Зинаида, – я еле сдержалась, чтобы тебе по физиономии не съездить...

Она резко освободилась из взмокших от волнения ладоней друга и, не оборачиваясь, вернулась за столик. Невидимые крылья за её спиной безвольно повисли. На глаза навернулись слёзы, тело налилось свинцом. В груди похолодело. Она только сейчас сообразила, что сидит за столиком одна, – Эмма куда-то испарилась.

– Ваша подруга вышла покурить, – произнёс Марат и присел в соседнее кресло. – Что с настроением? Испорчено?

– Уже лучше, – произнесла Зиночка, не отрывая взгляда от его странно блестящих глаз с невероятно огромными зрачками.

Заиграла громкая музыка. Зинуля мысленно попросила, чтобы он пригласил её на танец. Ей отчаянно хотелось ещё раз почувствовать то притяжение, которое она испытала во время прогулки. Но ничего не произошло. Марат сидел, уставившись в одну точку и, поджав яркие губы, грустно качал головой в такт музыке.

– А куда Эмма вышла? – переборков разочарование, спросила Князева.

Он не расслышал. Повторять вопрос она не решилась и сделала вид, что с интересом разглядывает танцующих. Через несколько минут заметила, что Марат словно впал в дрему. Он прикрыл глаза и впал в «анабиоз».

Глупость создавшейся ситуации тяготила. Зиночка встала из-за столика и двинулась к выходу.

Мужчина даже не пошевелился.

– Эй! Марат! Сабитов! Ты чего завис? – за спиной раздались незнакомые голоса, и Зина обернулась.

Около сидящего Марата остановились двое накачанных парней.

– Да он – загашенный! – хохотнул один из «качков». – Шеф узнает – выкинет к чёрту! Эй, приятель, про клиентку забыл?

Зинаида поёжилась и вышла в холл. Эммы нигде не было. Князева почувствовала тревогу. Выскочив на улицу в чём была, пробежалась по дорожке...

Никого!

Вернулась в здание. На всякий случай заглянула в туалет. Наконец решительно подбежала к администратору.

– Ради бога, подскажите, какой номер комнаты у Эммы Шталь?

Девушка в белоснежной блузе и строгой чёрной юбочке изобразила дежурную улыбку и включила компьютер.

– Эмма Шталь... Комната номер сорок четыре.

– Спасибо, – поблагодарила Зиночка.

Около сорок четвёртого номера остановилась – из-за двери доносились стоны и скрип кровати. Зинуля вымучено улыбнулась и с чувством исполненного долга отправилась спать.

* * *

Первым номером в графике процедур нового дня значилась аква-аэробика.

Сначала Зинуля планировала позавтракать в семь утра, а затем к восьми отправиться в бассейн. Но тёмное январское утро располагало к изменению спартанских планов. Поэтому, пронежившись в кровати лишний час, пациентка отправилась на водную гимнастику голодной.

«Ничего... – подбадривала себя Зиночка, вышагивая по устланному мягким коричневым ковровином коридору в сторону аквазоны. – Завтрак – до десяти, так что успею, а тренироваться на голодный желудок комфортнее...»

Толкнув от себя белую дверь женской раздевалки, она сразу почувствовала запах воды, доносящийся со стороны «водовместителя».

Настроение улучшилось.

Быстро переодевшись и приняв прохладный душ, Князева аккуратно преодолела несколько кафельных ступенек и спустилась к бассейну.

В огромном помещении никого, кроме неё, не было. Сквозь стеклянные стены виднелся зимний предраассветный пейзаж.

Зинуля посмотрела на круглый циферблат настенных часов – без десяти восемь. В конце концов, не так уж и рано она пришла.

Зиночка обошла периметр небольшого «водоёма», прикидывая его площадь. Получилось двенадцать на шесть метров.

Значит, народу на сеансе будет немного...

В углу стоял пластиковый стол, около которого лежал инвентарь для занятий. На столе, кроме дешёвого квадратного будильника, ничего не было.

Несколько раз хлопнула входная дверь в раздевалку. Послышались женские голоса. В некоторых душевых кабинках зашумела вода.

Громко разговаривая и смеясь, к бассейну спустились три почтенные любительницы дискотеки и Мира Петровна. Зиночка поздоровалась и первой представилась дамскому коллективу. Бойкие старушенции – все как на подбор в чёрных купальниках – оказались Еленами: Павловной, Сергеевной и Владимировной.

Мира Петровна, близоруко шурясь, пристально рассматривала новенькую, пока наконец не вспомнила.

– Я вас узнала! Зинаида Львовна, если не ошибаюсь? Переводчица? Три года назад вы для нашей фабрики сертификаты и договора на какао-порошок и патоку переводили! – пышная дама довольно улыбнулась. – Тоже, значит, оздоравливаетесь?

– Всё верно, Мира Петровна, – вежливо ответила Зиночка. – Какая приятная встреча!

– Ну вот, – хохотнула толстуха. – Никуда от знакомых не скрыться.

Бухгалтерша кондитерской фабрики была в ярко-зелёном купальнике, расшитом разноцветными стразами. И как ни старалась дама втянуть увесистый живот, всё равно её мощные тела придавали ей сходство с огромным ёлочным шаром. А неуместные во время тренировки массивные украшения добавляли блеска, делая «плавательную экипировку» гротескно не соответствующей цели визита в бассейн.

Однако Зинуля была не в силах отвести взгляда от ювелирного гарнитура потрясающей красоты. Переливающиеся благородным сиянием серьги были выполнены в виде бабочек со сложенными крыльями. Они словно сидели друг против друга, подняв кверху тончайшие усыпаннные бриллиантами усики. Голубоватые крылышки были выложены узорами из алых и зелёных вкраплений. Изящные цепочки кистями свисали до плеч. Браслет и кольцо также были украшены этими милыми насекомыми, но застывшими, с широко раскинутыми крыльями.

Заметив неподдельный интерес к своим украшениям, дама понизила голос до шёпота и доверительно произнесла:

– Да, да! Самые настоящие... Коллекция «Papillon» от «JACOB&CO». Вижу, что разбираетесь, а то некоторые... – она презрительно посмотрела на всех Елен сразу. – Утверждают, что это – бижутерия...

– А не боитесь в воде с ними заниматься? – не веря своим ушам, поинтересовалась Зинуля.

– Я больше боюсь их в комнате оставлять, – Мира хотела ещё что-то добавить, но Елены подошли поближе, словно прислушиваясь к разговору, и она спешно перевела разговор на другую тему. – Вот, решила привести себя в форму, – повысила голос Карасёва. – Мне лет всего-то ничего, а расползлась. Раньше тростиночкой была. И фигура у меня от природы лучше, чем у вас...

«Зачем она про «тростиночку» сочиняет? Зонтикова говорила, что подруга никогда стройняшкой не была», – про себя подумала Зинаида и, изобразив на лице притворное понимание, согласно покивала головой.

А при намёке собеседницы на свой «молодой» возраст Князева непроизвольно вспомнила знаменитый диалог профессора Преображенского с пациенткой из нетленки Булгакова «Собачье сердце»: «Сколько вам лет, сударыня? – О, профессор... Если бы вы знали, профессор... Клянусь, какая у меня драма... – Лет, я вам говорю, сколько? – Честное слово... Ну... Сорок пять. – Сударыня, меня ждут. Не задерживайте, пожалуйста, вы же не одна. – Я вам... Как одному, как светиле науки... – Сколько вам лет, сударыня? – Это просто ужасно...»

В это время из двери с противоположной стороны бассейна наконец появился инструктор.

– Здравствуйте, Гарик!

– Доброе утро, Гарик!

– Привет, Гарик! – радостно загомонили женщины.

Смоляные волнистые волосы инструктора длинной чёлкой спадали со лба на широкие брови. Пронзительные зелёные глаза и чувственный рот над волевым с ямочкой подбородком с эффектом лёгкой небритости делали мачо санаторного разлива неотразимым в глазах престарелых обожательниц.

«Интересно, что бы сказал Кольцов о накачанном теле Гарика?» – подумала Зинаида, глядя, как тот, собрав с присутствующих санаторные книжки, принялся неторопливо в них что-то записывать.

Фёдор всегда мог отличить «качка-натурала» от «химика». Систематически посещающий «качалку» и следящий за своей формой Кольцов категорически не признавал никаких таблеток...

Однажды она оказалась втянутой в спор между решившим нарастить мышечную массу Нилом и Фёдором, пламенно отговаривавшим коллегу от поиска быстрых и лёгких способов.

– «Натурал» должен работать над своим телом, и работать по-настоящему. Если «химику» якобы помогают стероиды, то «натуралу» – знания!

– Да это миф, – отбивался Моршин. – Все употребляют, а некоторые даже инъекции тестостерона получают.

– Мне на некоторых плевать, – горячился Фёдор. – При употреблении синтетического тестостерона организм перестаёт вырабатывать свой. Напрочь! И получается, что если вы кушали таблеточки пару месяцев или кололи тестостерон – или ещё какую-нибудь «декушкему»! – то после отмены этого курса препаратов вы остаётесь как без внешних гормонов, так и без своих собственных. А что представляет собой мужчина без тестостерона? Правильно, это – кастрат! Се ля ви!

– Да хорош пугать! У меня сосед «курсил» нормально, и ничего с ним не случилось, – не сдавался Нил.

– Да ты можешь стать бесплодным, это русская рулетка, где ставка – твоё потомство. Кому-то повезёт, а кому-то – нет. Вот ты почему не думаешь о будущей семье и детях? Многие молодые ребята наращивают внушительные мышцы и выглядят как бодибилдеры. При этом я знаю разрушенные семьи и сломанные судьбы из-за того, что мужик оказывался бесплодным. Я знаю многих парней, кто к женщине не подходит без виагры. Я думаю, что это очень тяжело, когда твоя любимая женщина уходит от тебя уже после свадьбы, потому что её инстинкт продолжения рода в разы сильнее любви. Не у всех есть деньги на искусственное оплодотворение! Давайка мы сначала на твоей свадьбе погуляем. Потом деток окрестим, а уж потом... Делай что вздумается. Усёк, умник?»

...Зиночка прервала воспоминания, когда одна из Елен потрепала её по руке и поторопила спуститься в воду.

– Всем привет, дорогие девушки! – низким, слегка осипшим голосом поздоровался инструктор и встал около бортика. – Смотрим на меня и повторяем каждое движение.

Его голос показался Зиночке знакомым...

Помещение наполнилось музыкой.

Уже через несколько минут Князева с удовольствием выполняла несложные упражнения, глядя на инструктора. Она не заметила, как пролетели сорок минут установленного времени.

Когда «русалки» вылезли из воды, Гарик попросил «минуточку внимания» и, быстро сбегав в раздевалку, в которой переодевались барышни, вернулся, держа в руках несколько разноцветных бутылочек.

– Девушки-красавицы, – игриво начал инструктор. – Хочу сказать буквально несколько слов о чудо-средстве для избавления от целлюлита, с помощью которого вы придадите вашей коже красоту и упругость.

Он открутил крышку одного из флакончиков и предложил собравшимся понюхать содержимое. Пахло действительно приятно: цитрусом и вербеной.

– А как правильно применять? – спросила самая бойкая из Елен.

– Так-так... А где же буклетики? Наверное, не взял... Они там, на окне в женской раздевалке, – инструктор соорудил огорчённую гримасу. – Может, кто-нибудь принесёт, а то там следующая группа уже должна переодеваться, и мне не зайти...

– Я сбегая, – с готовностью согласилась Мира Петровна и, смешно приподняв на цыпочки полтора центнера живого веса, засемила к двери.

Зиночка уловила задумчивый взгляд Гарика, провожающего глазами её широкий зад.

Уже через минуту Карасёва появилась на ступеньках, держа в руке веер из разноцветных буклетов.

– Вы, Мира Петровна, словно быстроногая лань – за секунду обернулись, – изобразив на лице восторг, воскликнул инструктор.

Ошалев от похвалы и всеобщего внимания, бухгалтерша решила ускориться и, видимо, продемонстрировать «бег вприпрыжку». Она «грациозно» согнула ногу в колене и резко опустила на нижнюю ступень...

Всё случилось мгновенно!

Мира Петровна не проронила ни звука. Её нога, не найдя опоры, соскользнула вниз, и дама грохнулась на спину. С громким стуком голова ударилась о кафель. Алая лужица крови растеклась из-под волос неподвижно лежащей на белоснежном полу женщины.

Князева стремглав подскочила к потерпевшей, в нос ударил сильный запах цитруса и вербены. Зина нагнулась и дотронулась пальцами до ступеньки – поверхность была скользкой и маслянистой.

В этот момент очнулся Гарик.

– Немедленно отойдите! – с трудом прохрипел инструктор.

От волнения голос у него совсем пропал, было件нятно, что парню требуются определённые усилия, чтобы говорить...

Он резко схватил Зинаиду двумя руками за талию и, приподняв, словно пушинку, отставил в сторону.

– Ничего не трогайте! – вновь прохрипел он.

Зиночка хотела вернуться и пощупать пульс, но одна из Елен, схватившись за сердце, рухнула прямо на неё. Двое других завизжали так, что заложило уши. Из раздевалки выскочили напуганные женщины и, увидев произошедшее, застыли в дверях.

– Назад! – задыхаясь, хрипел Гарик. – Все назад! Вернитесь в раздевалку и закройте дверь! Человеку плохо! А вы... Вы выходите через другую дверь, чтобы одеться, – пройдёте через коридор, буквально пару метров...

Зиночка практически на себе еле выволокла одну из старушек-веселушек. Остальные, надо отдать им должное, доковыляли сами.

Когда, сняв купальник и надев халат, она вышла из двери, по коридору уже бежали врачи, санитары с носилками и двое дежурных охранников.

А Зиночку внезапно озарило.

Голос! Этот специфически хриплый голос!

Эмма, кажется, называла такую болезнь дисфонией...

Точно такой же Зина слышала у беседки...

Весть о случившемся несчастье облетела санаторий.

Во время обеда сам Герман Блюм выступил перед пациентами с призывом быть внимательными на территории помещения бассейна и обязательно не снимать сланцы.

– Упавшая по своей неосмотрительности дама сейчас госпитализирована. Но ещё раз призываю вас к осторожности! Всем хорошего отдыха! – закончил он пламенную речь и покинул столовую.

– Ни фиги себе! Сходила тётка на аэробику! – со злорадством отреагировала Эмма.

Зиночке показалось, что новая подруга выглядит сегодня измученной. В ней словно исчез прежний задор, словно погасла искра радости.

– Она что, правда сама навернулась? Зин, не молчи, ты же там была?

– Правда сама, – нехотя отозвалась Князева.

– А что Гарик? – подала голос Белла. – Сильно расстроился, когда его пассия упала?

– Не знаю. Наверное... Мы все испугались, – Зина посмотрела на спрашивающую повнимательней.

Было видно, что Белла интересуется не из простого любопытства, уж больно сильно дрожали у неё руки и нервно дёргалась жилка под глазом.

– Ты чего так убиваешься? – с издёвкой прошептала Эмма. – У тебя когда подружка – или кем там она тебе приходилась? – померла, ты так не тряслась...

– Замолчи! – стуча зубами, проговорила Белла. – Я тебя ненавижу. Я за другой стол пересяду, местами поменяюсь, чтобы твоего хамства не терпеть.

Она сдёрнула с колен шёлковую салфетку и швырнула на скатерть. Затем встала и, пошатываясь, направилась прочь.

– Нет! Ты слышала? Что мне эта припадочная сказала! Я ещё и виновата?! – Шталь словно прорвало. – Привыкла, поди, дома прислугу строить и вяжется на людей. Так ей и надо...

– Ты тоже хороша! Зачем про покойную напомнила? – укоризненно произнесла Зинаида.

– Устала я! Плохо мне! – с надрывом произнесла Эмма. – Я вчера до двух ночи одна по парку гуляла.

– Не обманывай! – хитро прищурилась Зинуля. – Когда ты из музыкального салона исчезла, то я, между прочим, отправилась на твои поиски. Узнала, в каком номере ты проживаешь... В сорок четвёртом? Верно?

– Да, – губы тамады испуганно вздрогнули.

– Я к тебе приходила, но услышав под дверью, что ты не одна, не стала беспокоить... Так что – по моим прогнозам! – у тебя сегодня должно быть отличное настроение!

– Ты сейчас про что? – Эмма взволнованно поправила рукой сбившиеся на лоб дреды. – Меня до двух часов не было в номере! Правда не было! Я вчера такое учудила, что сказать стыдно.

– Я это слышала из-за двери, – подмигнула ей Зина.

– Да ничего ты не могла слышать! – рявкнула Шталь, но тут же осеклась и понизила голос. – Всё не так... – она замялась, подбирая слова. – Пока ты с молодым красавчиком вытанцовывала, я попыталась Маратика склеить. Только не вышло ничего... Но напиток пришлось изрядно. Мне так фигово было, так штормило, что пришлось в беседке, на свежем воздухе в себя приходиться. Меня часа два кидало то в сон, то в дрожь, то в сон, то в дрожь... Думала, сдохну... А как себя пришла – в номер, и спать... Давай, сейчас одевайся, и сходим! Покажу тебе вчерашнее своё «стойбище»! Заодно и казённый плед поищем, я его где-то обронить умудрилась. Мне до сих пор тяжко. Ты что ж, не заметила, что я завтрак пропустила?

– Я на завтрак за пятнадцать минут до окончания пришла. Уже все столы убраны были... – примирительно ответила Зина...

К беседке подошли по той же тропинке, что и в первый раз.

Эмма не врала – Зинуля тут же обнаружила скомканный носовой платок и заиндевевший плед, который, по всей вероятности, та обронила, покидая «место отдыха». В нескольких местах снаружи на ровном, подёрнутом тонкой коркой снегу виднелись следы рвоты.

– Прикинь! Как меня выворачивало... А ты говоришь, не одна... Я тебе-то на глаза постеснялась показываться. Ушла, можно сказать, как одинокая волчица на луну выть...

– Верю, – задумчиво проговорила Зина. – курить будешь? Или сразу забираем вещички и уходим?

– Зин! Я, по ходу, после вчерашнего курить бросила, – ответила Шталь. – Даже думать о сигаретах противно... И вообще – всё противно...

– Хоть тут польза, – улынулась Зинуля. – А со спиртным перебраться – это как у тебя получилось?

– Ну... Я стала с Маратом типа кокетничать, мол, скучно мне, мол, может, он знает, как развеселиться... Я-то думала, что он меня танцевать позовёт. А он только подливал да подливал. Причём вискарь какой-то притащил... Я даже названия не помню.

– Эмма! – Зина всплеснула руками. – Ты что, ребёнок, что ли, что не дадут – всё в себя...

– Я просто перед ним не хотела взрослой тёткой казаться... Ну... Типа я такая современная, типа в теме... – вздохнула Шталь, отводя глаза в сторону.

Зиночка дослушала исповедь и покрутила пальцем у виска. Она подняла застывший платочек, встряхнула плед и на всякий случай внимательно посмотрела по сторонам. Вдруг подруга ещё чего выронила?

Неожиданно она увидела большие свежие следы с другой стороны беседки. Глубокие отпечатки одинокой цепочкой выходили из-за кустов и останавливались метрах в трёх, не доходя до места. Видимо, человек остановился, а затем ушёл.

– Эмма, – обратилась Зина к приятельнице. – А ты вчера здесь никого не видела?

– Я вчера и себя не видела! А что?

– Просто... Посмотри на те следы.

– Следы... Ты с чего взяла, что они вчерашние?

– Может, и не вчерашние, – подумав, согласилась Зина.

Не обнаружив больше ничего интересного, они пошли по направлению к корпусу.

На входе столкнулись с Нилом. Напарник изобразил улыбку радости и кинулся к Князевой.

– Зиночка, я вас целый день разыскиваю, у меня тут... – он сделал вид, что замялся, и виновато посмотрел на Шталь.

– Ладно, не буду мешать, – понуро ответила тамада. – Пойду на процедуры... Займусь здоровьем...

Коллеги расположились на диване прямо в холле.

– Срочные новости! – взволнованно начал Моршин.

– Не суетись! Давай по порядку, – приказала Зинаида.

– Мира Петровна скончалась в больнице, не приходя в сознание.

– Ужасно, – помрачнела Князева.

– Сегодня нашу заказчицу – Антонину Зонтикову – полиция тревожила дважды: сначала вызывали на подружку квартиру, которая по непонятным причинам оказалась незапертой, второй раз – в морг, где Зонтиковой показали труп и отдали вещи покойной.

– Нужно срочно узнать... – спохватилась Князева. – Были ли на погибшей драгоценности? Я точно помню, что бриллиантов и золота на Мире было очень много.

– Хорошо, узнаю... Но и это ещё не всё...

– Да что может ещё произойти сверх того, что случилось?

– Иван Молин очень просит тебя вместе с Эммой Шталь подъехать сегодня после восьми вечера к нему в отделение. Он машину за вами пришлёт. Хочет, чтобы вы под протокол ещё раз рассказали всё, что видели и слышали ночью перед тем, как на дороге нашли труп Гали Гунарас. Сделаешь?

– Не вопрос! – отозвалась Зина.

– А с Эммой проблем не возникнет?

– Да нет – она классная и с пониманием. Предупрежу её, что съездить придётся.

Даже к ужину Эмма ещё не оправилась от нездорового состояния. Ела без аппетита, отмалчивалась.

Белка – как и предупредила – перебралась столоваться подальше от бывших знакомых, в самый дальний угол зала.

Сделав несколько безуспешных попыток разговорить Шталь, Зиночка обречённо вздохнула.

– Вижу, ты совсем не в настроении. А у нас тут одно совместное дельце назрело.

Эмма подняла глаза от тарелки и, не проронив ни слова, уставилась на Князеву.

– Помнишь того подполковника, Ивана Молина? – проигнорировав отрешённое выражение лица приятельницы, спросила Зиночка. – Так вот, он очень просит явиться к нему в отделение, чтобы в официальной обстановке дать показания о том, что мы видели ночью, когда ходили за угол курить.

Эмма продолжала молчать.

– Ну, помнишь, когда мешок огромный сверху кто-то за забор перебросил, – добавила Зинуля для большей ясности. – Скоро машина за нами приедет. Сгоняем? За час управимся.

– Какой мешок? – холодно произнесла Шталь. – За какой забор? Я ничего не видела, не слышала и не помню. Никуда не поеду! И ничего рассказывать не буду!

Зину будто кипятком ошпарили.

– Эмма! Ты чего! Как не поедешь? – глупо спросила она.

– Очень просто! Мы, между прочим, с тобой навеселе были... Не знаю, как ты, но я когда выпью – сама себе не хозяйка, и мерещится мне всякое может. У меня так бывает! Часто бывает! Здесь помню, а здесь – не помню!

Она ткнула себя пальцем в голову и громко засмеялась истерическим смехом.

– У меня и справка есть! Я семь лет назад в наркодиспансере от запоя лечилась...

Народ за соседними столиками примолк и с интересом наблюдал за крикливой Эммой.

– Ну-ка, замолчи! – Зинаида сжала руку истерички. – Не поедешь и не поедешь! Успокойся!

Эмма смотрела на неё остекленевшим взглядом и мотала головой, по щекам ручьями текли слёзы.

В поисках чего-нибудь подходящего, чтобы вытереть глаза подруги, Зина засунула руку в карман джинсов, но, передумав, подала Эмме чистую салфетку со стола.

– Девушка, вы уронили, – официант услужливо протянул ей батистовый платочек, который Зинуля подобрала в беседе.

– Вот, отдать тебе забыла, – примирительно улыбнулась Князева. – Постирай только, а то валялся в снегу...

– Это не моё, – автоматически ответила Шталь. – Зин, оставь меня, пожалуйста... Я не могу на тебя смотреть... Уйди... – простонала она.

Сжимая в кулаке чужой платок, Князева вышла из-за стола.

Вот и поужинали...

Глава 4

Встретив в кабинете подполковника своего лучшего друга Кольцова, Зина обрадовалась. Не придётся дважды пересказывать подробности разительных изменений, произошедших с Эммой за одну ночь.

– Значит, от показаний отказалась? – задумчиво произнёс Иван. – От всего отказалась, на Синельникову наорала...

– На кого? – не поняла Зина.

– На Беллу Синельникову – владелицу сети автосалонов, – пояснил полицейский.

– Ну раз пошла такая пьянка... – заговорил Кольцов. – Промолчать не получится, несмотря на обещание...

Молин насторожился.

– Колись, что там у тебя?

– Белла Синельникова – это за неё Флора хлопотала... Просила услугу ей оказать. Только там такая просьба к исполнению... Закачаешься... Зинаиде в общих словах докладывал. Для тебя, Ваню, заново рассказать придётся...

И он подробно поведал Ивану о нелёгкой судьбе кумской лесбиянки, скрывающей от мужа свои любовные похождения.

– Мерзость какая, – пробурчал Иван.

– Так, значит, это Белла? – переспросила Зиночка друга.

– Она самая!

– И – в случае чего! – я должна буду обеспечить ей алиби? Я отказываюсь! Я думаю, что её нужно на причастность к гибели Гунарас проверить. Теперь я поняла, откуда такая тесная дружба! – уверенно произнесла Зина. – Но – при любом раскладе – это сколько же нужно иметь хладнокровия, чтобы остаться дальше отдыхать, когда близкого человека убили! Нет, я такой гадине ничем помочь не могу! Поделом ей! Пусть её муж делает с ней всё что угодно...

– Спасибо тебе, Зинуля! – внезапно поблагодарил разгорячённую длинной тирадой подругу подполковник.

– За что? – удивилась та.

– За мысль! Уж не господина ли Синельникова это рук дело? Может, это он любовницу жены убил? А эту – твою тамату с дредами – деньгами умаслил, чтобы рот на замке держала. Чем не версия? – Молин записал что-то на листе бумаги, лежащем на столе.

– Может, мне ещё раз с Эммой поговорить? – предложила Князева.

– Пока не стоит... Она от нас и так никуда не денется, у меня все её реквизиты есть... Мужем пока займёмся.

– Блин! Забыл! Нужно Флоре позвонить и официально отказать! Мне самому эта просьба – как кость в горле, – «зафиналил» тему Фёдор.

– Однозначно! – подтвердила Князева.

– Ну а мне по старой дружбе, надеюсь, отказывать не станете? – лукаво поинтересовался Иван. – Для меня за владелицей автосалона присмотрите? Вдруг что интересное заметите. Я имею в виду – интересное в рамках следствия по поводу гибели Гали...

– Как такое возможно? Отказать господину подполковнику? Всё поняли! Наблюдение за Синельниковой организуем! Лично Нила озадачу! Действовать по заданию родной полиции для нас почётно – это совсем не то, что от разъярённого супруга обеспечивать жену-распутницу дутым алиби... Хотя, конечно... Там-то оно – за деньги, а тут-то – за...

– Слышь, сыщик меркантильный, не разочаровывай меня, – Иван притворно сдвинул брови.

Фёдор рассмеялся и уже было протянул ладонь для прощального рукопожатия, как Зиночка вдруг произнесла:

– Ваня, предлагаю бартер. Мы для тебя «пасём» Беллу, а ты для нас – спроси у патологоанатома, который Карасёвой занимался, обнаружены ли у неё на стопах ног следы от косметического масла с запахом вербены и цитруса? И ещё, были на ней украшения? Золото было?

– Зина, да угомонись ты. В данном случае – стопроцентный несчастный случай. Всё на твоих глазах произошло. И никакого криминала... Но украшений в описи не было...

– Вот видишь, а ты говоришь, что без криминала обошлось! – настаивала на своём Зиночка. – Кража драгоценностей! Мира Петровна была просто увешена бриллиантами с ног до головы. Они куда пропали? А ограбление у неё дома что, случайность? Фёдор, ты-то чего молчишь? Нам перед заказчицей отчитываться.

– Зинаида Львовна, ау! – Иван нервно помахал рукой. – В отдел поступило заявление от консьержа подъезда по месту жительства гражданки Карасёвой, что дверь в её квартиру не заперта. Да, там действительно установлены признаки беспорядка, но других следов – кроме следов хозяйки и, кстати, четы Зонтиковых – не найдено. А так как в настоящий момент сама владелица квартиры погибла по неосторожности, то даже заявление на возбуждение дела по факту кражи написать некому. Квартиру мы опечатали... Как говорится, сделали всё, что предполагается... Ты как доказывать собираешься: пропало что из квартиры или покойная по своей воле добра лишилась? Зонтикова на месте констатировала отсутствие некоторых вещей, но кричать про ограбление преждевременно... Не сочиняй! Так что... Это... Ты меня, Зинаида, бартером своим не особо грузи, у меня, знаешь ли, других дел полно!

– А если я тебе скажу, что до начала занятий на ступеньках не было пролито ничего жирного? А после тренировки инструктор проводил для нас – скажем так! – минипрезентацию и демонстрировал флакон с маслом? А когда я кинулась к упавшей Мире, то чуть не задохнулась – в нос запахом цитрусовым такшибануло, как будто кто-то специально кафель облил.

– Зина, не фантазируй! Я рапорт с места происшествия внимательно читал, – перебил Молин, нервно взглянув на часы. – На поверхности пола аквазоны не было никаких жирных или маслянистых веществ... Ребятунки, простите Христа ради – уже десятый час... А у меня сегодня свидание с девушкой! Хочу личную жизнь наладить.

Он подбежал к стоящему в кабинете шифоньеру и, накинув пальто, распахнул дверь, призывая «друзей по цеху» проследовать на выход.

– Цигель, цигель... – приговаривал он, бегом спускаясь по лестнице.

– Вот так друзей и теряют, – буркнул ему в спину Кольцов. – С девушкой познакомился, а я и не в курсе...

– Не журись, Фёдор, обязательно познакомлю... – прокричал услышавший недовольство товарища Молин, открывая свою машину...

– Ясно, что ничего не ясно... – Зина посмотрела на Кольцова. – Может, я чего не знаю? По делу Гунарас у него хоть какие-то зацепки или подозреваемые – кроме мужа Синельниковой – имеются?

Фёдор стоял, не шелохнувшись, и с тоской смотрел вслед снежной позёмке, поднятой рванувшим с места автомобилем друга.

– Что, говоришь? – он посмотрел на Зиночку рассеянным взглядом, и то только тогда, когда машина подполковника скрылась за поворотом.

Зиночка обиженно промолчала.

– Давай, Зинуля. Я тебя в санаторий верну. И тоже, наверное, посвящу остаток вечера личной жизни... А то накрыли меня грусть-тоска и светлая зависть.

Подъехав к санаторию, сыщики увидели Нила. Парень прогуливался около шлагбаума.

– Вот и наш коллега тебя встречать вышел, – обрадовался Кольцов. – Давай, Зинуля, вылазь! Моршину сама всё доложишь. Да, и не забудь про Синельникову предупредить. Удачи вам, и до созвона.

* * *

Нил выслушал рассказ Князевой.

– И что, Молин у тебя показания тоже не стал брать? – удивился он.

– Пока нет, – отозвалась Зинуля. – Да и показания наши хлипкие, ну видели две нетрезвых тётеньки, как что-то увесистое за забор в сугроб приземлилось. А откуда выпало, и были ли это труп человека, – большой вопрос...

– А Фёдор что обо всём этом думает?

– Похоже, ему сегодня не до мыслей о работе, – огрызнулась женщина. – Ладно, пошли в корпус. Холодно!

– Зин, так, может, и мне домой сгонять? – заискивающе попросил Нил. – У меня в номере «wi-fi» еле тянет, – он посмотрел на Князеву грустными щенячьими глазами. – А утром я – как штык, к завтраку вернусь. Тут ехать-то до города – пятнадцать минут! А, Зин? На Зонтикову, я так понял, мы уже не работаем... В связи с печальными обстоятельствами... А по Синельниковой всё сделаю, сейчас она уже по-любому в номере ко сну готовится... Ты-то сама тоже не циклись, расслабься да отдыхай по полной, используй путёвочку, раз всё так неожиданно обернулось.

– Вали, – устало разрешила Зинуля. – Только завтра – без опозданий! А мне чем заняться? Я до двенадцати не усну...

– Так поторопись, в двадцать один тридцать Эллада Панаётис будет улаживать слух достойной публики игрой на скрипке.

– Так, может, вместе? Ты же – мой кавалер?!

– Блин, зачем я вспомнил, – захныкал Моршин.

– Да езжай! Я пошутила...

Войдя в фойе, Зинуля увидела Марата. Фитнес-тренер о чём-то увлечённо разговаривал со скрипачкой. Она кивнула обоим и хотела было пройти мимо, но мужчина, оставив собеседницу, догнал Князеву около лифта.

– Добрый вечер, Зинаида! Вы сегодня занятие по скандинавской ходьбе пропустили, – тренер казался взволнованным.

– Пропустила, – ответила Зиночка. – Сама решила прогуляться.

– Сама или с новым знакомым из пятьдесят третьего номера? – нагло поинтересовался знаток Байрона.

Князева иронично приподняла бровь, демонстрируя, что вопрос ей не понравился.

– Простите за навязчивость, но мне показалось, что между нами есть что-то общее, и я бы хотел пообщаться с вами поближе, – он сменил тон, придав голосу интимности.

– Вам показалась, – отрезала Зиночка, вспомнив его вчерашнее состояние и рассказ Эммы.

– Понятно, новый знакомый бьёт рекорды...

– Мне данный разговор неприятен. Доброй ночи!

– А в музыкальный салон? А насладиться классической музыкой? – в тоне зазвучала издёвка.

Зинуля молча шагнула в кабину лифта и строго посмотрела на Марата, который стоял не шелохнувшись и смотрел ей в глаза до тех пор, пока створки лифта не сомкнулись.

«Ни черта я людях не понимаю! – подумала Князева. – Ключнула, как малолетка, на любителя поэзии... Хорошо даже, что всё именно так вышло...»

Она доехала до своего этажа, но выходить передумала. Спустилась на два пролёта вниз и направилась в номер к Шталь...

За дверь сорок четвёртого номера было тихо. Зинуля постучала.

Послышались шаркающие шаги, и дверь открылась.

Эмма – в том же глухом свитере и джинсах, в каких была на ужине, – молча пропустила Зинулю в комнату и закрыла дверь.

В душной комнате пахло алкоголем. На тумбочке возле кровати стояла початая бутылка виски и стакан с остатками коричневой жидкости. На полу – раскрытая дорожная сумка с аккуратно уложенными вещами. Лицо тамады с красными опухшими глазами было мокрым от слёз.

– Эмма, что происходит? Ты куда собралась на ночь глядя? – взволнованно проговорила Зина. – Я хотела тебя на выступление Эллады позвать...

Она не успела договорить, как Шталь разрыдалась с новой силой и уселась на кровати, закрыв лицо руками.

– Эмма! Да что с тобой? Ты целый день сама не своя.

– Я так не могу, я так не могу... Я держалась. Ей богу... Я держалась. Но у меня не получится. Я хотела уехать, но понимаю, что и уехать не могу. Мне так плохо! Мне ужасно, Зина! Мне даже некому рассказать... Потому что такой позор и такой стыд... Его не пережить!

Шталь потянулась к стакану и залпом допила виски.

– Я теперь – прокажённая... Виски будешь? – она хотела встать, но Зиночка сама взяла со стола стоявший около графина с водой стакан и, плеснув себе на доньшко, поинтересовалась:

– Я так понимаю, прощаемся? Ты решила уехать, а причину сказать не можешь. Что-то дома случилось? Только как ты сейчас поедешь за рулём?

– Дома – Гриша! – скривившись, словно от невыносимой боли, произнесла Эмма. – Спросит: «Почему раньше срока?»

– Прости, подруга, но я ничего не понимаю, – призналась Зиночка. – Ты или рассказывай, или я ухожу.

– Стой! Останься! – испуганно пробормотала Шталь. – Не уходи! Я расскажу! Мне нужно рассказать... Только дай клятву, что никто и никогда не узнает то, о чём я скажу. Понимаешь, город маленький, меня все знают, и я могу всё потерять... Понимаешь, и Гришу, и работу... Всё!

– Странно... – тихо произнесла Зина. – Но ты сама говорила, что приехала «зажигать» и ничего не боишься... С чего вдруг такие перемены?

– Дура была, – огрызнулась Эмма.

– Понятно, значит, всё-таки я была права, и ты вчера с кем-то «позажигала»... Но с чего ты решила, что все об этом узнают? Обещаю, что никому не скажу.

– Не так! – словно не слыша её слов, горячо зашептала Эмма. – Не так! Поклянись самыми близкими тебе людьми, что будешь хранить тайну.

Она налила себе спиртного и выпила залпом.

– Позажигала, говоришь! А такое видала? Как мне теперь домой? Что Грише сказать? Врать и выкручиваться?

С этими словами она стянула с себя свитер и расстегнула джинсы.

Зина застыла от ужаса и страха. Всё тело Шталь было покрыто ссадинами и припухлыми синяками.

– Кто тебя избил? – наконец взяв себя в руки, спросила Зинаида.

Механическим движением она уже доставала из кармана телефон.

– Нужно снять побои и заявить в полицию, у меня в нашем горотделе знакомый подполковник. Очень хороший знакомый...

– Не смей никуда звонить! – отчаянно взвизгнула Эмма. – И никакого заявления я писать не буду, и ни в какую больницу не поеду. Никогда! Понимаешь? Никогда!

Зинуля всё поняла.

Она присела на кровать рядом с Эммой и, обхватив её обеими руками, крепко прижала к себе.

А ту словно прорвало!

Задыхаясь и всхлипывая, она содрогалась всем телом, изгоняя из себя мерзкого демона боли и стыда.

Зиночка молча гладила её по спине и молчала до тех пор, пока женщина не успокоилась.

Шталь даже попыталась улыбнуться Зиночке, благодарно глядя на неё зарёванными глазами.

– Тыщу лет не ревела! Пойду умоюсь! Хорошо, что я с тобой познакомилась... Если бы одна была, то, наверное, вскрылась...

– Не вскрылась бы, – нарочито уверенным голосом произнесла Князева. – Мы, бабы, – сильные и живучие, всё забудем и переживём! Если надо...

Эмма прошла в ванную, и когда в душе раздался шум воды, Зина засучила рукав на левой руке и с усмешкой посмотрела на тонкие белые полоски от давно заживших порезов.

«Сильные... Хорошо, когда есть кому поддержать!» – Эмму она понимала прекрасно.

Шталь вернулась – закутанная в халат, умытая и уверенная...

– Ты мне только одно скажи, – попросила Зина. – Тебя что, Марат изнасиловал?

– Если бы Марат! Поверь, подруга, я бы так не убивалась!

– Кто тогда? Белобрысый массажист Костик? Но с ним бы даже я справилась...

– Не гадай... Бесполезно... В жизни не догадаешься... Давай лучше по чуть-чуть накачим!

– А про то, что тебя Марат споил, ты мне соврала?

– Ничего я не соврала... Напились мы основательно, только это уже после того было...

Зиночка сочувственно покачала головой.

– Да не бойся, я в своём уме... Всё нормально. Вывернуло меня. Ты же видела. А тогда мне было всё равно, тогда я жить не хотела...

– Неужели тебе не всё равно, что подонок, который над тобой глумился, будет безнаказанно по свету гулять. И ещё над кем-нибудь издеваться.

– Зин, тут всё непросто... Очень непросто! Я мозгами пораскинула и поняла – заказали меня!

– Да что ты такое говоришь!? – оторопела Зиночка, с сомнением посмотрела на приятельницу, а затем перевела взгляд на полупустую бутылку.

– Не бойся, не в маразме... А алкоголь – его на килограмм веса считать нужно, так что доза для меня не критичная... – Злая усмешка исказила лицо тамады. – А заказала меня – как пить дать! – Белла... Отомстила, сволочь, за моё ехидство, да и за то, что мы невольными свидетелями стали. Ты о том, что мы видели, тоже лучше помалкивай... Хотя на самом деле мы и не видели ничего...

– Объясни! – потребовала слегка захмелевшая Зина. – Откуда такая уверенность, что Белла тебя заказала?

– Потому что... Потому что... – глаза Эммы снова наполнились слезами.

Резкий, какой-то неприятный звонок внутреннего телефона заставил Шталь прерваться на полуслове.

Она подняла трубку и поднесла её к уху.

Зиочка видела, как на глазах меняется выражение лица приятельницы. Весь положительный результат, направленный на снятие стресса в течение последнего часа, улетучился в одно мгновение. Эмму невозможно было узнать. Тамада превратилась в запуганное и забитое создание. Под глазами проступили синяки, уголки губ поползли книзу, рот непроизвольно приоткрылся.

Зина явно слышала, что в трубке уже раздаются гудки, но Шталь словно застыла и, не мигая, смотрела в одну точку перед собой.

– Эмма! Эмма, что с тобой!? Кто сейчас звонил? – Зинуля тормозила приятельницу.

Наконец Шталь очнулась, громко вздохнула и с ненавистью посмотрела на Князеву.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.